

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

(Памятники русской истории).

ЗАПИСКИ
М. В. ДАНИЛОВА,

*артиллеріи маіора, написанныя имъ
въ 1771 году.*

(1722—1762).

Издательство „Молодая Сила“.

Zapiski артиллеріи майора Михаила Васильевича Данилова, написанныя имъ въ 1771 году, являются однимъ изъ любопытѣйшихъ источниковъ для внутренней бытовой исторіи XVIII вѣка. Въ нихъ авторъ, въ видѣ родословія Даниловыхъ, описалъ свою жизнь и все, что зналъ о своихъ предкахъ. Это описаніе даетъ намъ опредѣленное понятіе о воспитаніи и бытѣ средняго дворянства временъ Анны и Елизаветы, а также сообщаетъ массу любопытныхъ свѣдѣній о нравахъ чиновничества того времени.

Даниловъ—сынъ небогатаго помѣщика родился около 1722 года, первоначальное образованіе получилъ у богатыхъ родственниковъ, а потомъ обучался въ артиллерійской школѣ, откуда въ 1743 году былъ выпущенъ фурьеромъ. Въ 1746 году онъ былъ произведенъ въ сержанты, въ 1749 году—въ штыкъ-юнкеры, въ 1756 году—въ оберъ-фейерверкеры поручичья ранга, въ 1757 г.—капитанскаго ранга. Въ 1759 году онъ вышелъ въ отставку, и находясь въ ней, въ 1765 году былъ произведенъ въ майоры. Умеръ онъ послѣ 1790 года. Такова жизнь Данилова въ общихъ чертахъ, интересныя же подробности ея читатели узнаютъ изъ *Zapiskovъ*.

Даниловъ писалъ очень много и на самыя разнообразныя темы. Изъ его сочиненій, кромѣ *Zapiskovъ*, были напечатаны: 1) *Начальное знаніе теоріи и практики въ Артиллеріи*. М. 1762 г. in 4; 2) *Ясное показаніе какъ приготовить фейерверки и разныя иллюминаціи*. М. 1779 г. in 4; 3) *Письма къ пріятелю о полезныхъ и любопытства достойныхъ матеріяхъ*. М. 1783 г. in 8; 4) *Письма о совѣсти*. М. 1804 г. in 12. Всѣ эти книги уже давно довольно рѣдки, но въ настоящее время имѣютъ лишь библиографическій интересъ.

КАЗАНЬ.

Электрическая типографія Л. П. Антонова, соб. д.

1913.

Записки въ первый разъ были напечатаны въ Москвѣ, въ 1842 году, извѣстнымъ археологомъ П. М. Строевымъ по рукописи, которая принадлежала самому автору и досталась П. М. случайно. Рукопись была написана очень плохимъ, почти дѣтскимъ почеркомъ. П. Строевъ исправилъ ее, «не касаясь слишкомъ слога и выразитель, даже орфографіи, какъ неотъемлемой собственности автора и его вѣка». Въ настоящемъ изданіи *Записки* печатаются въ томъ же видѣ, какъ онѣ были опубликованы въ первый разъ П. М. Строевымъ.

И. К.

Записки М. В. Данилова.

Въ 1771 году, въ Апрѣль мѣсяцъ, по причинѣ оказавшейся въ Москвѣ прилипчивой и заразной болѣзни, съѣхали мы изъ Москвы въ близкую деревню, село Семеново, Рузскаго уѣзда, разстояніемъ отъ Москвы 60 верстъ, и жили въ ней для безопасности отъ помянутой заразной болѣзни. Живучи въ деревнѣ, въ свободныхъ мысляхъ и безмятежномъ сельскомъ житіи находясь празденъ, безъ всякаго дѣла, возманилъ я написать происшествіе фамилии нашей Даниловыхъ; а къ сему моему предпріятію послужила мнѣ немало случившаяся при мнѣ тогда копія, списанная въ Герольдіи изъ Бархатной Книги *) родословія всему дворянству. Изъ оной копіи усмотрѣлъ я, въ 30 главѣ, подъ номеромъ 212, на листу 532, написано тако: «Родъ Мамоновыхъ и Данила Иванова, а отъ нихъ пошли Даниловы, Дмитріевы, Внуковы, възъязіе изъ Цесаринъ»; въ томъ же родословіи написаны Дурные, Васильчиковы. Я, довольствуясь тѣмъ, что нашель начало происхожденія фамилии Даниловой, однако будучи въ томъ увѣренъ, что мнѣ никакъ невозможно будетъ довести поколѣнія своего до начальнаго *Данила Иванова*, взялъ достовѣрное мнѣ въ шестомъ поколѣніи нашего рода имя Прохора, отъ котораго поведу нашъ родъ и фамилію Даниловыхъ. Искать я потомъ побобіа моему предпріятію у разныхъ свойственниковъ, требо-

*) Книга есть при Герольдіи, а потому именуется Бархатная, что переплетена въ бархатъ; въ ней, по именнымъ указамъ съ 191 по 199 годъ, вписаны подаваемые дворянскія сказки, откуда кто произошелъ и фамилію свою ведетъ.

вать, но не получить никакого свидѣнія о родѣ Даниловыхъ далѣе, какъ все только мнѣ объявляли Прохора. Сообщилъ мнѣ родословіе Даниловыхъ покойный надворный советникъ Иванъ Демидовичъ Масловъ, который по женскому колену произошелъ отъ Даниловой фамилии, но весьма недостаточно: въ ней онъ также въ восходящей линіи въ шестой степени, или поколѣбніи, только не отъ Прохора, а отъ Федора, у коего были два сына Ивана, большой и меньшой; отъ нихъ родъ свой ведетъ Даниловы, наши однофамильцы. Почему и полагаю я, что Федоръ былъ Прохору одновременный, ежели не родной, то двоюродный братъ: ибо спусходящая линія точно, какъ отъ Прохора, такъ и отъ Федора, показывала степень шестую до нынѣшнихъ временъ. Но мое намѣреніе не состоитъ въ томъ, дабы вывести всѣхъ предковъ моихъ изъ темноты древности: я полагаю собрать и написать фамилию Даниловыхъ не для тщесавія моего, но чтобы, наконецъ, отъ преданій изустнаго вовсе не истребилось изъ памяти происхожденіе нашихъ Даниловыхъ. Многие есть дворяне, кои, не смотря на свое недостоинство, что не показали отечеству своему ни малой услуги, громко проповѣдуютъ и безстыдно гордятся знатностію своего рода и древностію фамиліи; таковымъ можно сказать пословицу: «кто хвалится знатностію своего рода, а безъ своихъ заслугъ, тотъ хвалится чужимъ». Прилично сему и Англійскій стихотворецъ г. Пепи написалъ въ четвертомъ письмѣ (*Опытъ о человѣкѣ*, стр. 69):

Чинъ, титулъ, чести знакъ, царь можетъ дать
удобно.
Царь, временщикъ его то сдѣлаетъ способно.
Твой родъ за тысячу пусть происходитъ лѣтъ,
И отъ Лукреціи начало пусть ведетъ;
Но изъ толкаго прапрадѣдовъ народу,
Лишь гѣми ты свою показывай породу,
Которые въ себя вмѣли добрый духъ
И удивили свѣтъ величествомъ заслугой.
Когдажъ твой будетъ родъ старшиной, но безслав-

ной,
Не добродѣтельной, бездѣльной и зловравной:
То хоть бы онъ еще потопа прежде жилъ,

Но лучше умолчать, что онъ весь подлый былъ,
И не впадать другимъ, что чрезъ только время
Заслугъ твоихъ отнюдь не показало памяти.
Кто самъ безумецъ, подлъ и въ лѣности живеть,
Того не красить родъ, хотябъ Говартъ былъ дѣдъ.

Изъ сего стихословенія ясно доказываетъ, что отъ чловѣка сдѣянныхъ добрыхъ дѣлъ и заслуги увеличиваютъ и возвышаютъ родъ и фамилію его; а фамилія, хотябъ она прежде и знатная была, не можетъ уже возвыситься безъ достоинства чловѣка. Одинъ Грекъ, увидя ученаго, который былъ родомъ Скѣвъ, сказалъ ему отъ зависти, хотя затмить своею природою его ученіе: «вѣдъ ты Татаринъ». «Правда, отвѣчалъ Греку философъ, что я Татаринъ, но мой родъ отъ меня начался, а твой родъ тобою скончается».

По изустному преданію наслышалъ я отъ родителя моего и отъ родственниковъ, что у Прохора Данилова было два сына, Савельи, Иванъ, и дочь Дарья; Иванъ скончался бездѣтенъ, дочь Дарья выдала за Милославскаго, а отъ Савельи якобы пошелъ нашъ родъ. Но какъ я, по написанію Данилова рода происхожденія, получилъ отъ родственника нашего съ поданной сказки ¹⁾ копію, выписанную изъ Герольдіи (которую при семъ и сообщамъ), то усмотрѣлъ, что у Прохора не было сына Савелья, кромѣ Ивана, который бездѣтенъ и умеръ; значить нашему происхожденію рода быть не отъ Савелья, а отъ Василья, внучатаго брата Прохору. Посему казалось бы лучше вѣрностію быть отъ сказки, въ коей самое начальное происхожденіе Даниловыхъ показано, нежели по словесному преданію безъ довольноаго доказательства. Оставить прапрадѣда нашего имя, кажется, также сумнительно; да и прадѣду моему Осипу именоваться по отчеству, вмѣсто Васильевича, Савельичемъ, причтъ можно за ошибку, а не за безчестіе; почему я и переправлять не пожелаю. Да и въ самомъ спискѣ Розряднаго Приказа показанъ Данило Ивановъ (отъ

¹⁾ Въ силу именныхъ указовъ, государя царя и великаго князя Феодора Алексѣевича въ 190 году и государей царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича съ 191 по 199 годъ, велѣно въ Розрядный Приказъ подавать дворянамъ сказки о происхожденіи своей фамилии.

кого Даниловы свой родъ ведутъ), а по сказкѣ показано Данило Федоровъ, а не Ивановъ сынъ, почему и видно, что отъ фамилии Даниловыхъ была подана не одна сказка, а многія, изъ чего и произошло такое несходство. Къ тому же и то прибавить можно, что не рѣдко случается, одному даютъ послѣ крещенія имя другое, какъ и я былъ крещенъ Кузьмою, а послѣ назывался Михайло.

С к а з к а.

«Лѣта шесть тысящъ шесть сотъ перваго года (отъ Рождества Христова въ 1093 году) приде Ибмечь изъ Царскаго государства въ Черниговъ, мужъ честенъ, имени Идрикъ, съ двѣма сыны своими, съ Левинусомъ да Зимодеитомъ, и съ ними пришли дружныи и людеи ихъ три тысящи мужей. И крестися Идрикъ и дѣти его, въ Черниговѣ, въ православную христіанскую вѣру, и нарекоша имя имена, Идрика Леонтиемъ, а сыновеи его Литвинуса Костянтиномъ, а Зимодеита Федоромъ. И отъ Костянтина родися сынъ Харитонъ, а Федоръ умре бездѣтенъ (о семъ шиветь въ Летописѣ Черниговскомъ), а отъ Харитона сынъ Карпъ, а отъ Карпа сынъ Юрей, а отъ Юрия Василей, а отъ Василья Федоръ, а отъ Федора дѣти Данила, Николай, Василей; и отъ Данилы пошли Даниловы, а отъ Николая Дурные, а отъ Василья Васильчиковы. Дурные и Васильчиковы сами о родствѣ своемъ скажутъ. А отъ Данилы дѣти Иванъ да Юрей, а отъ Ивана Степанъ да Федоръ, а отъ Федора Прохоръ да Иванъ большой да Иванъ меньшей; а отъ Степана Астахъ да Богданъ, а отъ Юрия сынъ Михайло, а отъ Прохора сынъ Иванъ былъ бездѣтенъ; а отъ Ивана большого сынъ Павелъ по Московскому списку. А у меньшаго Ивана четыре сына, Денисъ, Акинфей, Кириа, Степанъ, служатъ великимъ государемъ въ стольникахъ; а у Дениса дѣти Аюнасей да Иванъ, служатъ въ стольникахъ же; а отъ Астаехъ Акинфей, служатъ по Московскому списку; а отъ Богдана сынъ Василей, а отъ Василья дѣти Василей да Кондратъ, Василей служатъ въ стольникахъ; а у Павла сынъ Григорей, служатъ въ стольникахъ; а отъ Михайлы сынъ Василей, а отъ Василья дѣти Петръ и Осипъ, а отъ Петра сынъ Евдокимъ, служатъ въ стольникахъ; у Осипа дѣти Артемей да Гурей да Митрофанъ, Арте-

мей да Гурей служатъ по Московскому списку, Митрофанъ служатъ въ стольникахъ; у Артемья сынъ Михайла. А гдѣ родственники наши были у дѣлъ великихъ государей, и тому указъ есть, наказъ и жалованная грамоты. Родственники наши воеводами были: во 109 году въ судовомъ розрядѣ воевода съ Оскола да съ Волуйки Степанъ Ивановъ сынъ Даниловъ, а во 124 году Петръ Прокофьевъ сынъ Даниловъ былъ на Ливнахъ воеводою; а служили по Московскому списку, а то свидѣтельство въ Розрядѣ: Денисей Даниловъ изъ Тульской чети, изъ приказа Большого Дворца; а Окинфей Даниловъ воеводою жъ былъ въ Новомъ Осколѣ, изъ Тульскихъ застѣкъ, стольникомъ и воеводою, на князь Михайлово мѣсто Звенигородскаго, да въ Колодеи стольникомъ же и воеводою, на Васильево мѣсто Дмитрева, полковымъ и осаднымъ воеводою. Да воеводами жъ были Кириа да Степанъ, да Артемей, да Митрофанъ Даниловы, изъ разныхъ приказовъ, и о томъ свидѣтельства наказы ихъ. Ни отъ по городу рода нашего Даниловыхъ никого нѣтъ, а которые напредкахъ родственники наши служили по городу Туль, въ первой статкѣ, по выбору, а по другой статкѣ родственникамъ нашимъ никому не бывало, и про то вѣдомо въ Розрядѣ въ Тульскихъ десятняхъ. А опричь роду нашего Даниловыхъ, которые писаны въ сей росписи выше сего, иного нѣтъ».

П р о х о р ь.

Прохоръ въ свое время достовѣрно долженъ быть какъ богатъ, такъ и знаменитъ; для того, что сверхъ оставленнаго ему сына его Савелью (а Иванъ неженатый скончался) довольнаго имѣнія, выдалъ отъ дочь свою Дарью Прохоровну въ замужество за Милославскаго, въ приданое за нею далъ въ Арзамаскомъ уѣздѣ великія волости да подмосковное село Рожай, которая до нашихъ временъ во владѣніе переходила по наследству въ родъ Милославскихъ; а многіи различными случаями вышли въ другія посторонія владѣнія.

С а в е л і й.

Савелій боже намъ уже извѣстенъ стать, что прадеда

нашего Осипа, а его Савельева сына, отечество было у многихъ въ фамилии нашей знакомо съ почтиемъ; онъ Савелій прадеду моему Осипу и брату его Петру былъ родной отецъ.

Осипъ и Петръ.

Осипъ имѣлъ у себя сыновей, а моихъ дѣдовъ, Митрофана, Гурей, Артемья; а у Петра былъ сынъ Евдокимъ, а у Евдокима Антипъ, а у Антипа Анфиногенъ, который бездѣтенъ, засушилъ свою отрасль.

Митрофанъ.

Митрофанъ Осиповичъ, двоюродный мой дѣдъ, чинъ имѣлъ стольника; я его видалъ, когда былъ еще лѣтъ восьми отъ роду. Онъ безъ выѣзду жилъ въ той деревнѣ, гдѣ я родился; онъ разсказывалъ про Москву, также и про свой Чигиринской *) походъ, изъ котораго привезъ съ собою соудъ деревянный (флагу) съ виномъ. Оное вино, хотя онъ съдъ и гостей потчивалъ, только и по смерти его остался соудъ полной, для того, что толькое жъ число выливалъ въ тотъ соудъ вина, сколько изъ него выливали, почему Чигиринское вино не оскудѣвало. Митрофанъ Осиповичъ хранилъ его для своего тщеславленія; носилъ сѣдую круглую бороду, Усадебъ, гдѣ онъ жилъ, въ селѣ Харитъ, презрѣдная была: два сада, прудъ и кругомъ всей усадьбы рощи, церковь въ селѣ деревянная. Хоромы у него были высокіе на омнишнихъ, и съ низу въ верхній сѣни была со двора предѣнная лѣстница; оную лѣстницу покрывалъ вѣтвями своими превеликой, стоящей близъ крыльца, широкой и густой вязъ. Всѣ его высокіе и обширные съ виду хоромы состояли изъ двухъ жилищъ горницъ, черезъ сѣни стоящихъ: въ одной горницѣ онъ жилъ

зимою, а въ другой лѣтомъ. Имѣлъ онъ дочь Анну †), которую отдалъ въ замужество за князя Федора Барятинскаго: отъ ней произошли князь Григорей, князь Гайрла, князь Никита, князь Александръ, которые его вичуча всѣмъ имѣніемъ послѣ него Митрофана наследовали. У Митрофана Осиповича была пословица *жужъ*; по тогдашнему времени у всѣхъ такая мода была, или привычка, дабы въ разговорахъ примѣшивать какую-нибудь ничего незнающую примолвку, напримеръ: *не ты жужъ барюку, воистину положи меня*, и прочая. Деревень за нимъ имѣлось въ разныхъ уѣздахъ: душъ; домъ его наполненъ былъ семействами людей дворовыхъ, безъ всякой должности и работы живущихъ, развѣ за службы ихъ онъ довольствовалъ. По тогдашнему обычаю съ боярами хаживали въ походъ холопи, сколько принадлежить по наряду съ числа душъ крестьянъ, на коняхъ и съ своимъ провiantомъ, вмѣсто нынѣшнихъ собираемыхъ рекрутъ; а вооружены они были только бердышами и кошами. Онъ нигуда не ѣзжалъ по гостямъ, да я не слыхивалъ, чтобы и къ нему кто изъ сосѣдей ровные ему дворяне ѣзжали, а больше поплъ у него гости бывалъ. Когда жъ пріѣдетъ какой нахалъ другаго приходу поплъ да близъ живущіе изъ мелкихъ дворянъ или однодворцовъ, называемые Милоховы, онъ и таковыми, отъ большаго уединенія, гостями былъ доволенъ, и часто доходило, что поступать съ ними чрезвычайно торовато. Когда прикажетъ подать Чигиринскаго вина, то значило полное удовольствіе его компаніи; за онымъ напикомъ не забудетъ напомнить всѣ посещенные военные труды въ походѣ, бывшемъ подъ городомъ Чигириномъ. Хотя отецъ мой близко его жилъ, въ одномъ селѣ, ведаѣе 150 сажень, только нечастое они имѣли между собою свиданіе. Причина сему была мнѣ неизвѣстна, отъ ли моего не было къ родному дядюшкѣ ласки, почтения и исканія, или уже съ обихъ сторонъ не было любви родственной, а вкорененная вражда и ненависть. Живали при Митрофанѣ Осиповичѣ вичучата его, князья Барятинскіе, попеременно по одному, чаятельно не для удовольствія дѣду своему въ скучномъ

*) Въ Новой Сербіи городъ Цибулевъ, при вершинѣ Малаго Ингула; тутъ былъ прежде городъ Чигиринъ, разстояніемъ отъ крѣпости Елисаветы 200 верстъ; владѣли имъ прежде Запорожскіе казаки, но Крымскіе Татары и Турки его разорили. Для защищенія сего Чигирина былъ походъ къ нему отъ Россіянъ неоднократно.

†) Митрофанъ Осиповичъ былъ женатъ на двухъ: первая жена Матрона Максимовна Писарева, а вторая Ненна Ивановна Ильина, отъ оной родилась дочь Анна.

его житиі, но болѣе для наблюденія слѣдующаго имъ послѣ него имѣнія, дабы дѣдушка ихъ и нашъ не могъ удрать нисколько въ свой родъ. Скопчался Митрофанъ Основицъ около 735 или 736 года, познвъ лѣтъ 80 или болѣе; а во все движимое и недвижимое его имѣніе вступили внучата его, князья Борятинскіе, по духовной грамотѣ.

Г у р і й.

Гурій Основицъ, прародитель мой, женатъ былъ на Афімѣ Павловѣ Сельвановой и прижилъ съ нею сыновей: Петра, Василья, Леонтія и Ивана. Гурій Основицъ жилъ въ одномъ селѣ Харинѣ съ братомъ своимъ Митрофаномъ; онъ скончался, и съ бабкою моею, гораздо прежде, почему мнѣ его видѣть не случилось. Стрѣненіе дома его подобно какъ у Митрофана Основица, только не было такой высокой къ хоромамъ лѣстницы: черезъ большія сѣни была одна горница бѣлая, а насупротивъ другая черная, въ которой вмѣсто кухни кушать готовили. Гурій Основицъ имѣлъ за собою меньше ста душъ крестьянъ и гораздо былъ недостаточнѣе брата своего Митрофана: по раздѣлу ли отцовскому они такъ неравно раздѣлены, или другимъ случаемъ неравенство въ имѣніи ихъ произошло, мнѣ неизвѣстно; а можетъ статься, и потому что онъ былъ убогае своего брата Митрофана, первое грамотѣ не умѣлъ, другое служилъ ли службу и былъ ли подъ Чигириномъ, не вѣдаю. По тогдашнему обыкновенію за службу получали оклады, и жалованю было дворянъ помѣстье, число четвертей земли, на которой должно дворянъ помѣститься или поселиться и жить, а земля оная поумѣстная не переходила въ родъ по наследству; а помѣстье, по заслугамъ смотря, жалованъ въ вотчину вѣчно, которое названіе именю значить, какъ бы сказано было: вотъ тебѣ чинъ или заслуга. Для того-то нашъ дѣдъ очень мало оставилъ намъ, своимъ внучатамъ, недвижимаго своего имѣнія. Третій резонъ есть тотъ: дѣдъ мой Гурій Основицъ женатъ былъ на бабѣ нашей, Сельвановой, съ посредственнымъ приданымъ, потому что не было за нею недвижимаго имѣнія въ приданствѣ деревень; а было движимое, то есть бѣлье и платье, кунтуши и подкапки бобрѣмъ опушенные: по тогдашнему обыкновенію лучшій нарядъ былъ, соблюдается оный

и доносилъ, носить еще по городамъ попадаи и купецкія жиы. Изъ бѣлья было приданаго, между прочимъ, золотомъ вышиты по полотну сплосъ круги, въ такую мѣру какъ велики у человека кофѣйки или чашки у погъ: оное платье носили мужчины, вмѣсто штановъ, и называлось порты.

А р т е м і й.

Артемій Основицъ имѣлъ у себя два сына, Михайлу и Ивана: Иванъ скончался бездѣтенъ, а отъ Михайла былъ сынъ Ефимъ и дочь Катерина. Ефимъ за разная свои проделзости, сосланъ былъ въ ссылку, оставя по себѣ два сына, Василья и Николая; а дочь его Михайла, Катерина была въ замужествѣ за Гредовымъ Петромъ, отъ котораго былъ сынъ Михайло, и по немъ остался сынъ тогожъ имени Михайло.

П е т р ь.

Петръ Гурьевичъ, старшій сынъ Гурья Основица, служилъ въ регулярной службѣ, въ драгунскихъ полкахъ, унтеръ-офицеромъ; женатъ былъ на Антѣ Михайловнѣ Кислицкой и прижилъ съ нею два сына и дочь: первый сынъ Елисей, другой Борисъ, а дочь Татьяна. Петръ Гурьевичъ наследовалъ послѣ отца своего всемъ недвижимымъ имѣніемъ по той причинѣ, какъ Государь Петръ Первый, въ 1714 году, выдалъ законъ, дабы въ недвижимомъ имѣніи, сколько бы братьевъ ни было, одинъ только послѣ отца своего былъ наследникъ, а прочіе братья, за свою долю изъ того недвижимаго имѣнія, должны получить отъ наследующаго брата по цѣнѣ деньгами, и съ тѣмъ долженъ весья некая своего счастья военною службою, купечествомъ, или куда кто по своимъ склонностямъ можетъ быть способенъ. Но неравенство оное между дѣтьми тронуло нѣзаконъ родительскія сердца и, по тогдашнему обыкновенію, казалась великая невозможность, какимъ бы образомъ шаче дворянскому сыну сыскать себѣ пропитаніе кромѣ оставшаго послѣ отца его недвижимаго имѣнія: въ военную службу охотою никто не хотѣлъ, а записывали дворянскихъ дѣтей съ принужденіемъ; науки и художества въ рѣдкомъ еще домѣ были извѣстны, а многія

дворянскія дѣти грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а писать только рѣдкіе знаи и за частіе почитали (до времени Петра Великаго) бытъ у знатныхъ тогдашнихъ бояръ въ державникахъ, ко услугамъ, толькобъ не бытъ въ государственной военной службѣ. Таковая невозможность для дворянскихъ дѣтей принудила просить неотступно, дабы позволено было недвижимое имѣніе послѣ родителя дѣтямъ дѣлать по равнымъ частямъ, что, по неотступной просьбѣ, при государыни Аннѣ Іоанновнѣ, указомъ разрѣшено было. Петръ Гурьевичъ, выдѣля матери своей Афімьѣ Павловнѣ, которая была тогда вдовою, четвертую часть недвижимаго имѣнія (а болѣе бывшихъ тогда въ бѣгахъ крестьянъ на ея жѣ часть включить), съ братьевъ своихъ родныхъ волею и неволею побралъ обязательства и записи, дабы имъ впредѣ не вступаться въ отца ихъ имѣніе. Коль скоро Петръ Гурьевичъ скончался, жена его избрала себѣ второе супружество: вышла она замужъ за отставнаго прапорщика, фамиліею Легерь. Дѣти его, Елисей и Борисъ, учились въ селѣ Харинѣ, у пономаря Брудастаго грамотѣ. По возрастѣ своемъ большой Елисей записался въ Московскую бывшій тогда шквдронъ и служилъ драгуномъ, а изъ Московскаго шквдрона перешелъ въ Смоленскій пѣхотный полкъ и, дослужась тамъ подпоручкомъ, перешелъ и былъ полиціи поручикомъ въ Москвѣ, и жить какъ и всѣ полиціескіе офицеры живуть довольныи; наослѣдокъ, при переимѣнъ главныхъ полиціескихъ командировъ, не зная оцъ обыкновеннаго при такой службѣ проворства и догадки угодили командирамъ, за что отставленъ былъ отъ полиціи и живетъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Борисомъ въ селѣ Харинѣ, холостой, раздѣляясь домами, безъ малѣйшаго братолюбія, послѣдній полиціескимъ кафтанъ донашиваетъ. Меньшой братъ его Борисъ какимъ-то случаемъ попался въ Сибирскіе драгунскіе полки служить и былъ тамъ нѣсколько лѣтъ безъизвѣстенъ своимъ родственникамъ; наконецъ, дослужась унтеръ-офицерскаго чина, выхалъ изъ Сибири, женился на Сибирѣ драгунской дочери, прижилъ съ нею дѣтей; по прїѣздѣ въ Москву записался въ Коломенскій полкъ, въ которомъ дослужился сержантомъ; потомъ пошелъ въ отставку и отставивъ прапорничкомъ, живетъ нынѣ въ половинѣ своего имѣнія въ селѣ Харинѣ. Дочь Петра Гурьевича Татьяна выдана была въ за-

мужество, отъ матери своей и вочима, поблизости къ себѣ, въ домѣ одноворца: дали они въ приданое за Татьяною мужа и женска пола четыре души, однако она надѣ своими приданными не была госпожа какъ у матери, а была во всякой работѣ товарищъ своимъ служанкамъ, жать на полѣ, толочь и молоть въ домѣ, скотину убирать и кормъ давать, и все дѣлать вмѣстѣ; и такъ бѣдная Татьяна, не имѣвъ къ такимъ трудамъ ни малой привычки и способности, потому, хотя небогато, но дворянски была воспитана, принуждена была, серъ и зернова имѣвъ въ рукахъ, окончать жизнь свою въ работѣ.

В а с и л і й.

Василій Гурьевичъ, отецъ мой, съ братомъ своимъ Ивановъ, записанъ былъ въ гвардіи Преображенской полкѣ, въ солдаты, когда оный полкъ еще учрежденъ былъ отъ Петра Великаго вновь; меньшой братъ его Иванъ умеръ холостой. Отецъ мой, служя въ гвардіи солдатомъ, былъ въ походахъ съ Государемъ, въ 1700 году, когда городъ Нарву у Шведовъ брали штурмомъ; при томъ штурмѣ оцъ раненъ былъ тяжело: у лѣвой руки отстрѣлили у него картечью три пальца, по половинѣ каждого, большой, указательный и средній, а остались два цѣлыхъ, мизинецъ да другой подѣ мизинца. Государь, осматривая самъ персонально своего полку раненыхъ солдатъ, между которыми у отца моего висалие на жилкахъ отстрѣленные пальцы отбѣзалъ самъ ножницами, изволилъ сказать при томъ во утѣшеніе страдающему отъ раны: «трудно тебѣ было!» Наконецъ при отставкѣ отъ службы, пожаловалъ его капраломъ. Отецъ мой, получя отставку и излечась отъ раны руки своей, жилъ въ Москвѣ въ домѣ Милославскаго, по свойству, и по оному дому сдѣлался знакомъ многимъ знатымъ господамъ, какъ-то: Долгорукимъ, Салтыковымъ и прочимъ. Милославской, Сергѣй Ивановичъ, бывъ въ Арзамасскихъ своихъ деревняхъ, взялъ къ себѣ близъ живущую дворянскую дочь небогату, по фамиліи Аксентьеву и, не смотря на недостатокъ свойственника своего, а моего отца, женилъ его на Аксентьевой, дѣвицѣ Афімьѣ Ивановнѣ, которая произвела меня на свѣтъ. Отецъ мой, проживя нѣсколько времени съ моею матерью въ домѣ свой-

ственника своего Милославскаго, въ Москвѣ, который не болѣе дѣлалъ ему одолженій какъ дневною пищею при своемъ столѣ, наконецъ взявъ намѣреніе отбѣжать въ домъ отца своего, въ деревню, куда и отправился съ молодою своею супругою, а моею матерью. Но пріѣздъ его въ свое отечество, открылось отъ большого брата его Петра, который былъ также въ отставку, ненависть, вражда и сущее гоненіе. Мать ихъ, а моя бабука, Афімья Павловна, была тогда уже вдовою; вида такое неустройство между дѣтми своими, взяла свою четвертую посѣдъ мужа своего, указую часть недвижимаго имѣнія и для жалкаго состоянія сына своего Василья, а моего отца, отдала ему во владѣніе вѣчно одному. Петръ Гурьевичъ, вида что мать его свою четвертую часть отдала только одному брату его Василью, созвавъ свойственниковъ и родственниковъ своихъ, между которыми былъ тогда человекъ самой худяи души въ нашей фамили, Михайла Артемьевъ сынъ Даниловъ (а сверхъ его фамилиіи прозвался онъ *Крюкъ*), звазали моего отца въ свое собраніе и принудили его волею или неволею дать на себя записъ такую, чтобъ впредь ему Василью въ недвижимое отца своего имѣніе не вступаться и не бить челомъ, а быть довольну однимъ четвертымъ жеребьемъ матери своей, которое обязательство утвердили они неустойкою: кто впредь начнетъ просить тому заплатить сто рублей, а записъ будетъ записью.

Отецъ мой, поселясь на отвѣденной ему усадьбѣ, перешелъ жить на новоселье, взявъ къ себѣ жить свою мать, а мою бабуку, и живучи съ моею матерью, произвели они на свѣтъ дѣтей, которыхъ было отъ сихъ благословенныхъ супруговъ 12 человекъ, а именно: дочь Анна, сынъ Дмитрій, дочь Матрена, сынъ Егоръ, сынъ Василій, дочь Дарья, сынъ Михайла, сынъ Ѳедоръ, дочь Прасковья, сынъ Аванасій, сынъ Левъ, сынъ Иванъ. Наконецъ, пришло отцу моему намѣреніе, къ облегченію своего недостатка, искать помощи у своихъ прежнихъ повидимому казавшихся благодѣтелями, знатныхъ господъ, что онъ и получалъ. Семь Андрейевичъ графъ Салтыковъ, кой тогда былъ правителемъ въ Москвѣ, опредѣлялъ его къ Троицы-Сергіеву монастырю, отъ котораго онъ получалъ отсыпной хлѣбъ и деньги; однако не долго онъ сямъ правленіемъ пользовался. Свояственники его Данилова, узнавъ о такомъ одофамилиа своего опредѣленіи къ

монастырю, почили своему роду въ безчестіе, да и отрѣшили его, по просьбѣ своей, отъ монастырскаго довольствія: положила между собою условіе, дабы содержать его на своемъ общемъ издженіи, изъ коихъ одинъ только поприлежнѣе сохранялъ нѣсколько времени данное общаніе, Аванасей Дешевничъ Даниловъ; наконецъ, и онъ забылъ свое общаніе, какъ и прочіе его товарищи, помогать моему отцу въ недостаткѣ, а награждать его избыточно однимъ сожатыишемъ. Отецъ мой, обратилъ на прежнѣе свое состояніе, жить съ помощію своихъ прочихъ благодѣтелей весьма умѣренно.

Въ 1722 году случилось ему ѣхать отъ свояственниковъ своихъ съ моею матерью, при коей и я находился въ младенчествѣ у груди матери. Проѣхавъ городъ Вевель, стали подъѣзжать къ рѣкѣ Осетру, разстояніемъ отъ дома своего не болѣе пяти верстъ; время тогда было зимнее, а день приклонился къ сумеркамъ; наѣзжали на нихъ нѣсколько савей, въ конхъ человекъ съ 10 или болѣе было разбойниковъ. Отецъ мой, сѣдя на облучку у той кибитки, въ которой мать моя со мною сѣдѣла, а человекъ правилъ (какъ я отъ отца моего оное приключеніе слышалъ), вооруженъ былъ только однимъ нагайкомъ; узнавъ онъ изъ той воровской шайки одного мужика изъ деревни Соколовки, одного къ церкви прихода, сказалъ ему, что по содѣству нехорошо такъ поступать и что онъ знаетъ ихъ, Оное слово не умячило сихъ бездѣльниковъ, а можетъ быть и пьяныхъ; они закричали воровскимъ обыкновеніемъ: «атаманъ почтывай, онъ знаетъ насъ». Послѣ сего слова кинулся разбойникъ съ дубьемъ на отца моего и началъ бить. Отецъ мой противъ толкаго числа разбойниковъ не долго оборонялся, отбѣжалъ обороняясь отъ дороги нѣсколько сажень, гдѣ онъ сбилъ его съ ногъ на землю и билъ столь безчеловѣчно, что чуть жива оставши и, накинувъ петлю на шею ему, потащилъ и бросилъ въ сани; потомъ, сверота съ дороги въ сторону, привезли къ рѣкѣ Осетру и при многотъ обыкновенномъ отъ разбойниковъ страханіи и угрозахъ, то рѣзать, то топить въ водѣ хотѣли, ограбя всѣхъ дочиста, объявляя притомъ, что они о младенцѣ (то есть обо мнѣ) сожатыише имѣютъ: дабы не ослѣбили, дали нѣсколько самаго худѣшаго одѣванія и одну безъ узды лошадь, сами ускакали возвратно. Слуга, который былъ при насъ, взявъ лошадь за гриву, повелъ ее за собою: по-

вели отца моего едва жива въ саняхъ положеннаго, а мать моя и при ней престарѣлая дѣвка шли вѣшкомъ, несли меня на рукахъ попеременно, идучи и пробираясь домой полями, потому что разбойники завели насъ отъ дороги далеко. Наконецъ, дошедъ съ великою нуждою до села Исакова, изъ того села перевезенъ былъ отецъ мой въ свой домъ, гдѣ онъ чрезъ немалое время хотя и пришелъ, казалось, въ прежнее свое здоровіе, однако календарь оный, данный ему отъ разбойниковъ, очень вѣренъ былъ: всегда чувствовалъ онъ къ перемѣной въ воздухѣ погодѣ превеликую боль во всемъ своемъ тѣлѣ.

Мать наша кормила всѣхъ дѣтей своихъ своею грудью, воспитывала насъ съ безпримѣрною материнскою горячію и любовью. Она была весьма добронравна и незлобива, особливо къ своимъ домашнимъ служанкамъ, повѣдывала ими болѣе ласково, нежели дворянскою обыкновенною властію. Она жила отъ роду своего сашкомъ шестьдесятъ лѣтъ и скончалась въ 1759 году припадкомъ. Отецъ мой, за десять лѣтъ до своей кончины, получилъ себѣ по наслѣдству крестьянъ, послѣ родственника своего Анфиногена Антиповича Данилова, въ Велевскомъ уѣздѣ 30 душъ, коими онъ былъ къ пропитанію своему доволенъ. Правъ отца моего былъ хотя взыскчивъ, только скоро отходивъ и неметилень. Онъ скончался наиболѣе отъ старости своихъ лѣтъ, а не отъ приключившейся ему какой болѣзни: ходилъ на ногахъ до своей кончины. Почувствовавъ въ себѣ изнеможеніе къ смерти, призвалъ священника и приказалъ ему при себѣ почевать, а какъ конецъ жизни его сталъ уже приближаться, тогда онъ разбудилъ спящаго священника и велѣлъ ему читать отходную молитву, по окончаніи молитвы легъ на постель и скончался. Онъ погребенъ возлѣ отца своего въ селѣ Харинѣ, живъ сашкомъ 90 лѣтъ отъ роду.

Л е о н т і й .

Леонтій Гурьевичъ, отца моего братъ средній, отставленъ былъ отъ службы прапорщикомъ; онъ женился въ Медвѣ, на вдовѣ Товарковой, и женись прибѣжалъ въ 735 году, съ женою и съ падчерицею своею дѣвцею, для свиданія съ своими родственниками, въ свою отчину, откуда возвратясь въ Медвѣ скончался бездѣтенъ.

Отца моего дѣти.

Первородная дочь была у моего отца, а мнѣ сестра, Анна. Воспитана она у свойственника нашего и поддомульца Данилова, Антипа Евдокимовича, выучена была читать и писать Россійскою грамотѣ, читала много церковныхъ книгъ и исторій, почему и знала многое касающееся до закона Анна Васильевна отъ роду своего лѣтъ двадцати выдана была, тѣмъ же нашимъ свойственникомъ Антипомъ Евдокимовичемъ, замужъ за небогатаго дворянина, который тогда въ Преображенскомъ полку служилъ гарнизеромъ, фамилією былъ Чеусовъ; въ приданое далъ за нею Антипъ Евдокимовичъ три двора крестьянъ и малую часть земли по близости своей усадбы. Сестра мое построила на той данной ей въ приданство землѣ, коя называется Колодезна, и живучи въ томъ своемъ селеніи съ своимъ мужемъ, который часто бывалъ изъ полку въ отпускъ, пережила они дѣтей: дочь Любовь, сына Аванасія, сына Николая; и въ 1741 году овдовѣла. По оплакиванію нѣскольکو времени своего супруга вознамѣрилась она, для лучшаго воспитанія своихъ дѣтей, оставить свое деревенское уединеніе и прибѣгнуть къ благодѣтелямъ, коихъ она своимъ изысканіемъ нашла довольно. Первый ея благодѣтель былъ графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, который сестрѣ моей руководствовалъ много: по его дому знала она многихъ знатныхъ господъ, почему набрала довольно для дочери своей хорошаго и богатаго приданого. Сыновей своихъ записала она въ Кадетскій Сухопутный Корпусъ, гдѣ, по ея несчастью, большой Аванасій, къ сожалѣнію многихъ, кои его знали, скончался. Смерть сына своего нѣскольکو лѣтъ мать его оплакивая прожила много горькихъ слезъ. Я, по просьбѣ сестры моей, велѣлъ надъ нимъ положить по обыкновенію, якобы ей служило нѣкое послѣднее утѣшеніе, камень съ таковою надписью: *Читателью, гоняща меня на двадцатое лѣто заключила въ сей гробъ и лишила света.* Меньшой сынъ ея Николай, дослужаясь въ кадетскомъ корпусѣ до сержантовъ, выпущенъ подпоручникомъ армейскимъ и женился на княжнѣ Грузинской, съ которой нынѣ благополучно живетъ во Твери почтмейстеромъ, имѣя у себя сына Николая. Памяница моя Любовь прежде жила, со своею матерью, у знатныхъ разныхъ господъ, почему

и воспитана была хорошо, не по деревенски, или лучше сказать не по достатку своему; напоследок, перешла она жить къ своей родной теткѣ, а моею сестрѣ, Дарьѣ Васильевнѣ Самойловой, отъ которой и въ замужество выдана за майора Ераникина и, приживъ съ нимъ два сына, въ 771 году скончалась чахоткою; причина ея болѣзни, какъ я слышала, что, будучи въ дѣвкахъ, лечась принимала слабительныя пилюли. Мать ея, а моя сестра Анна Васильевна, скончалась годомъ прежде дочери, жила отъ роду своего лѣтъ 60.

Дмитрій и Матрена.

Дмитрій скончался малолѣтнѣмъ. Послѣ его родилась дочь Матрена, которая воспитана была у свойственниковъ нашей Матрены Петровны, бывшей прежде въ замужествѣ за Аонасьемъ Денисовичемъ Даниловымъ; у оной вдовы нѣсколько и я жить и грамотѣ учился, о которой впродъ упомяну про-страннѣе. Матрена Петровна сестру мою Матрену выдала въ замужество ландмилищныхъ полковъ за капитана Пятова. Она, живъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ, скончалась, будучи съ нимъ при полку на Украинской лини, оставила послѣ себя двухъ дочерей, которыя послѣ ея смерти въ разныя времена скончались дѣвками. Мужъ ея, по смерти жены своей, женился вкорѣ на третьей женѣ и, поживъ нѣсколько лѣтъ, умеръ; оставилъ онъ послѣ себя наследникомъ первой своей жены сына, который за разныя бездѣльства и преступленія, воровство и обманы, сосланъ въ ссылку.

Егоръ.

Братъ мой Егоръ воспитанъ по большей части и выученъ грамотѣ отъ отца своего. Онъ отданъ былъ, для обученія читать и писать Россійской грамотѣ, въ Туль къ дячку; а по выученіи грамотѣ взялъ его къ себѣ Тульский помѣщикъ, отцу нашему свойственникъ, Иванъ Александровичъ Нестеровъ, у котораго онъ жилъ до совершенного возраста. Потомъ Егоръ записался служить въ первой Московскій полкъ и въ 735 году, съ полкомъ, пошелъ въ Турецкій походъ, гдѣ находился до окончанія той войны, который миръ заключенъ 738 году. Будучи онъ въ оной службѣ,

позалованъ былъ черезъ нѣсколько лѣтъ сержантомъ и взятъ на ординары къ князь Никитѣ Юрьевичу Трубенскому, который въ показанномъ Турецкомъ походѣ былъ генералъ-кришкоммиссаръ; онъ опредѣлилъ Егора Васильевича отъ себя курьеромъ, посылалъ его часто въ Москву и Петербургъ, по тогдашнему обыкновенію верхомъ. Почитали оную верховую ѣзду за солдатскую исправку и крѣпость, дабы скакать день и ночь, сутокъ десять не спать, отъ чего слабые люди не могли такой чрезъестественной тяжести понести, получа чахотку лишались вовсе своего здоровья и даже жизни; а которые находили въ себѣ больше другихъ силъ противиться сей немощной трудности, въ подерпышеніе своего труда отъ бессонницы, прибѣгали они къ винной помощи, отчего нечувствительно привыкли на себя привычку пить вина безъ времени болѣе обыкновеннаго. Такъ и братъ нашъ Егоръ Васильевичъ навлекъ на себя оную страсть, которая едва ли не прекратила и жизнь его прежде времени. По нынѣшнему учрежденію курьеры ѣздятъ въ кибиткахъ и поспѣваютъ изъ Волохинъ въ Петербургъ въ девятый день, чего верхомъ учинить никакъ невозможно.

Братъ мой Егоръ, послужая въ первомъ Московскомъ полку до поручиковъ, переведенъ былъ изъ оного въ Смоленскій полкъ и, бывъ въ 740 году въ Шведскомъ походѣ, отставленъ капитаномъ въ 756 году. Въ Москвѣ онъ женился на невѣстной персонѣ, потомъ прѣхавъ съ женою въ Петербургъ, опредѣлился къ полиціи и былъ при оной должности въ Москвѣ. Была у него отъ супружества его одна дочь, которая не много поживъ скончалась малолѣтною; а онъ, время отъ времени ослабѣвая въ своемъ здоровьѣ, пришелъ до такого расслабленія, что въ 761 году скончался отъ рожденія на 45 году. Исключая его страсть и привычку къ вину, онъ былъ весьма доброй души человекъ, незлобивъ, добросердеченъ, набоженъ; хотя былъ и недостаточенъ, будучи въ полкахъ, кромѣ жалованья доходу ни откуда не имѣлъ, во чистоту въ платѣ и всею опрятностію многихъ превосходилъ, кои достаточнѣе его были. По смерти его и жена его скончалась вкорѣ.

Василій.

Братъ мой Василій, изучая нѣсколько грамотъ въ до-

мъ отца нашего, потомъ живучи у родственника, который отцу нашему былъ вучатный братъ, Ивана Васильевича Афросимова, докончалъ ученіе Россійской грамотѣ читать и писать; а какъ оный Афросимовъ отъ пяти лѣтъ своего рожденія былъ слѣпъ и ничего не видѣлъ, то братъ мой, живучи у него, былъ его глазами, смотря за всѣмъ дяди своего домомъ и имѣніемъ, и дядя великую во всемъ дѣлалъ брату моему довѣренность. Дядя нашъ былъ притомъ богомолецъ: у него всякій день была въ домѣ его служба, поутру, въ вечеру и въ ночи, подобно какъ въ монастырѣ, только кромѣ обѣдн. Отправляли оную службу его домашніе люди, да и самъ онъ Афросимовъ, затвердя наслышкою изъ Псалтыри нѣсколько песенкомъ наизусть, читалъ оныя твердо и пѣлъ съ людьми вмѣстѣ; онъ, по лишней глазъ, не могъ видѣть красоту сего земнаго свѣта, за тѣмъ находилъ себѣ удовольствіе большое награждать свой слухъ пѣніемъ и молитвами.

Афросимовъ получилъ послѣ родственниковъ своихъ по наслѣдству немалое число деревень. Имѣя по себѣ ближнихъ дворянскихъ племянницъ коимъ по закону слѣдовало быть послѣ него во всемъ наслѣдниками, однако не сдѣлалъ онъ такъ, ибо слѣпые ушами болѣе натурального слышать: вознегодовать неуспѣшныи богомолецъ на своихъ племянницъ, якобы въ непочтени къ нему, и избралъ по себѣ наслѣдникомъ безъ родства однофамильца Аванасія Левонтьевича Афросимова зъ, утвердилъ ему все имѣніе по духовной. Когда слѣпый ослабѣвалъ въ болѣзни и приходилъ къ концу жизни, тогда отдавалъ свою духовную наслѣднику въ руки; а когда получалъ отъ болѣзни малое облегченіе, тогда возвращалъ свою духовную отъ наслѣдника къ себѣ, почему дознавшись ветрудою, что онъ былъ не безъ сумнѣнія въ избранномъ наслѣдникѣ поручить ему свое имѣніе при жизни.

Въ 1735 году публиковано было указомъ, дабы всѣ недоросли дворянскія дѣти явились въ Герольдію, при Сенатѣ, въ смотрѣ; а по разсматриванію Сената, по желанію каждаго недоросля, отсылали записываться въ школы или въ службу, куда кто пожелаетъ. Тогда и братъ мой Василій, въ 1736 году, записался въ Артиллерійскую школу. Оная школа была еще учреждена вновь, на полковомъ артиллерійскомъ дворѣ,

и было въ оную прислано изъ Герольдіи дворянскихъ дѣтей, бѣдныхъ и знатныхъ по желанію, семь сотъ человекъ. А какъ въ новой школѣ не было ни порядка, ни учрежденія, ни смотрѣнія, то черезъ четыре года разошлось оное большое собраніе, безъ позволенія школьнаго начальства, по разнымъ мѣстамъ, въ настоящую службу, куда кто хотѣлъ записался; а осталась только нѣкоторая часть дворянскихъ дѣтей, кои приехали охотно и хотѣли учиться.

Но великой тогда недостатокъ въ оной школѣ состоялъ въ учителяхъ. Сначала вступленія ученикомъ было, для показанія одной ариметики, изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ волка овечьи пасти, штыкъ—юнкора Алабушева. Алабушевъ тогда содержался въ смертномъ убиствѣ третій разъ подъ арестомъ, былъ человекъ хотя нѣсколько знающій, разбиралъ Магницкаго печатной ариметикѣ и часть геометрическихъ фигуръ показывать ученикамъ, почему и выдавалъ себя въ тогданнее время ученымъ человекомъ, однако былъ вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителемъ благородному юношеству, гдѣ учитель долженъ своимъ добрымъ нравомъ, поведеніемъ и хорошими поступками во всемъ ученіи образцомъ быть; а онъ рѣдкой день приходилъ въ школу непьюный. Видно, что тогда былъ великой недостатокъ ученыхъ людей въ артиллеріи, когда принуждены были взять и опредѣлить въ школу учителемъ колодника и смертоубійцу.

Напослѣдокъ, для поправленія въ школѣ порядка, еще опредѣленъ былъ, сверхъ штыкъ—юнкора Алабушева, капитанъ Гринковъ, у котораго не было лѣвой руки по локоть. Человекъ былъ какъ прилежный, такъ и копотливый, и былъ великій занка, однако завелъ въ школѣ порядкомъ получше Алабушева. Онъ вперялъ въ учениковъ охоту учиться, съ общаніемъ чести, и довелъ до того, что его стараніемъ нѣсколько человекъ изъ учениковъ пожалованы были въ артиллерію сержантами и ундеръ-офицерами; ¹⁾ изъ нихъ имѣлъ еще при артиллеріи полковники и генералы.

Въ 1737 году братъ мой Василій записалъ меня въ

¹⁾ Въ тогданнее время жаловали чинами по наукамъ, а неученаго записывали въ рядовые канонеры.

Артиллерійскую жь школу; гдѣ я съ нимъ вмѣстѣ обучался года съ три. Потомъ братъ мой, съ прочими по выбору и по наукѣ учениками, взятъ былъ, указомъ Канцеляріи Главнои Артиллеріи, изъ Московской въ Петербургскую школу, а изъ Петербургской школы, въ 740 году, съ прочими жь учениками, выдущенъ сержантомъ въ полевую артиллерию. Въ то время была между Россіею и Швеціею война; братъ мой (сержантомъ) командированъ, въ 741 въ Юль мѣсяцѣ, съ княземъ Гессенгобургскимъ, бывшимъ тогда фельдмаршаломъ. Князь охранялъ съ корпусомъ полковъ армейскихъ и артиллеріей, морской берегъ при Березовыхъ островахъ, дабы Швецы не пристали, по способности того мѣста, со флотомъ и не сдѣлали десантъ.

Братъ мой, возвратясь отъ Березовыхъ острововъ благополучно въ Петербургъ, командированъ былъ въ Москву, пожалованъ штукъ-юнкоромъ и посланъ изъ Москвы въ Киевъ, гдѣ былъ при генералъ-маюрѣ артиллерійскомъ Беренсѣ за адъютанта; а изъ Кіева командированъ по Украинской линіи свидѣтельствовать и комплектовать всѣ крѣпости городской артиллеріей, и былъ въ Запорожской Сѣчѣ. Въ 749 году пожалованъ поручикомъ, преходя по артиллеріи чинами по порядку; былъ въ 757 г. капитаномъ въ походѣ противъ прусскаго короля на Гросъ-Егердорфской баталіи. Арміею тогда командовалъ фельдмаршалъ Степанъ Федоровичъ Апраксинъ. Потомъ братъ мой пожалованъ былъ маюромъ, а въ 760 году отставленъ коллежскимъ совѣтникомъ; будучи во Твери воеводою, въ 764 году, женился поковника Ивана Ивановича Чагина на дочери, дѣвицѣ Маріѣ Ивановнѣ, съ коею прижылъ дѣтей: сыновей, Ивана, Василья, Павла, Петра; въ 773 году опредѣленъ отъ Сената въ Серпуховскую провинціальную меховую контору первымъ членомъ, а въ 775 году, переѣхавъ съ конторою въ Переяславль Рязанской, Апрѣля 7 числа скончался отъ припадка.

Д а р ь я.

Дарья, сестра моя, лѣтъ восьми возраста своего, отвезена была отъ отца нашего въ Москву и отдана въ домъ Софьѣ Алексѣевнѣ Милославской, у которой жила лѣтъ шести; выучилась тамъ презрительно вышивать всякими цвѣ-

тами и золотомъ, какое шитье въ тогданнее время было въ Москвѣ въ манерѣ самое лучшее; потомъ она взята изъ Москвы въ домъ отца нашего и, поживъ нѣсколько времени, отдана была свойственнику нашему Анфиногену Антиповичу Данилову, въ тотъ же домъ, гдѣ прежде и большая сестра наша Анна была воспитана. Изъ онаго дома выдана Дарья, моя сестра, въ замужество за Аванасья Андреевича Астафьева; оный Астафьевъ былъ тогда въ Глуховскомъ гарнизонѣ солдатомъ, а родственникъ нашъ Анфиногенъ Даниловъ тамъ прапорщикомъ.

Когда Астафьевъ женился на сестрѣ моей Дарьѣ, тогда за нимъ было только, въ Елифанскомъ уѣздѣ, деревня Ржавецъ, не болѣе 50 душъ. Женивъ онъ Астафьевъ перешелся изъ Глуховскаго гарнизона служить гвардіи въ Семеновской полкъ солдатомъ же. Между тѣмъ временемъ ему досталось послѣ брата его, который былъ не отъ одной матери, наслѣдство 900 душъ. Онъ старался оное имѣнье за себя справить по закону, но въ Вотчинной Коллегіи учинены были отъ родственниковъ еи споры, которые хотѣли быть ему въ наслѣдствѣ участниками. Зять мой Астафьевъ подарилъ свою пресквозную вотчину Ржавецъ бывшему тогда въ Вотчинной Коллегіи секретарю Каменеву. Каменевъ, получивъ деревню къ себѣ во владѣніе, разсмотрѣвъ дѣло въ Коллегіи вправду и утвердивъ законнымъ наслѣдникомъ зятя моего, послѣ брата родного, а прочимъ просителемъ всѣхъ отрѣшиль отъ наслѣдства. Зять мой Астафьевъ, получивъ большое наслѣдство, неприязно сталъ уже въ полку служить; а какъ въ тогданнее время отставки отъ службы не было, или трудно ее получить было, то онъ нашего милостивца въ полковомъ секретарѣ, который его отпускалъ въ годовые отпуски за малые деревенскіе гостинцы. Секретарь доволенъ былъ, когда за ваширтомъ получить душекъ 12 мускаса пола съ женами и дѣтьми, съ обязательствомъ таковымъ, когда зять мой Астафьевъ на срокъ оныхъ подаренныхъ крестьянъ не вывезеть, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкою къ двѣнадцати душамъ. Чтобы не потерять дружбы, таковымъ подареннымъ отъ секретаря отпускомъ зять мой пользовался каждый годъ по договору. Случалось янѣ и то видѣть самому: при самомъ уже его въ отпускъ отъѣздѣ изъ полку, не оставявъ у него писаря пол-

ковые и ротные постели и подушек; хотя онъ даже сидѣть въ кибиткѣ, и то вытаскивали изъ подъ него и дѣлили по себѣ, какъ завозанную добычу. Странное видѣніе было сихъ безстыдныхъ поддецовъ. Подковой писарь гораздо былъ совѣтнику секретаря своего: онъ бралъ только по одному человѣку за напорть.

Зять мой Аванасій Астафьевъ, пользуясь частыми отпусками, не видалъ конца своему имѣнію, веселился въ деревнѣ и живучи разными забавами. Родственники его досадовали на секретаря Вотчинной Коллегіи Каменева, что не сдѣлалъ ихъ соучастниками въ наслѣдствѣ, а сдѣлалъ брата послѣ брата родного. Умислилъ одинъ изъ дядьевъ зятя моего родныхъ, Никита, завлечь къ себѣ племянника своего Аванасія, для котораго сдѣлалъ веселое собраніе и пиръ, да и взялъ съ него закладную 5000 рубл. на село, что наилучшее, называемое Новое, 250 душъ, каменная въ немъ церковь; а денегъ за оное село едва получилъ зять мой одну тысячу рублей. На послѣдокъ, за великою его слабостію, усвоившись секретарь гвардіи держать Аванасія на своей шелковинкѣ: отставилъ его изъ полку въ отставку, только на провозанъѣ недешево зятю моему стало, какъ и прежде.

Зять мой, проживъ въ деревнѣ больше уже въ болѣзни и пьянствѣ, нежели въ веселостяхъ, видя слабость своего здоровья, укрѣпилъ свой деревни своей женѣ, а моей сестрѣ Дарьѣ, въ 4000 рубл.; послѣ того вскорѣ умеръ, оставя по себѣ малолѣтняго наслѣдника, сына, но и тотъ послѣ отца своего не долго нажилъ и скончался.

Сестра моя, овдовѣвъ, хотя имѣла на деревни мужа своего закладная, которыя писаны были на имя тетки нашей Сомовой, но претерпѣла великое притѣсненіе отъ наслѣдниковъ мужа своего: наслѣдники запретили въ деревняхъ сестру мою слушать и ничего ей не давать, а на отпавленный изъ деревни запасъ для сестры моей, въ Москву, дорогою набили и разграбили какъ разбойники.

Сестра моя во вдовствѣ и недостаткѣ жила ибсколюко лѣтъ, пока судьба приняла ее благодѣтельствовать: въ 753 вышла вторично за мужа, армін за поручика Александра Борисовича Самойлова. Зять мой Самойловъ принялъ по закладнымъ своей жены зыскивать съ наслѣдниковъ Астафьевыхъ деньги. Астафьевы, не хотя выпу-

стить заложенныхъ отъ родственника своего Аванасія деревень, объявили себя выкупниками но какъ въ наличности у нихъ для выкупа денегъ не имѣлось, то великую они трудность имѣли свое ламбрене исполнить; притомъ у оныхъ наслѣдниковъ—родственниковъ, Никиты Петровича, Феодора Петровича (такъ они назывались) не было между себя братскаго согласія, но всегдѣшняя вражда и подлая брань. Однако наконецъ, съскавъ деньги, выкупили за 4000 рубл. заложенное имѣніе. Зять мой Самойловъ, сверхъ того выкупа, зыскалъ еще съ нихъ подлежащія деньги за тѣхъ людей, которыми они завладѣли сверхъ закладной.

Послѣ того зять мой Самойловъ служилъ въ Тобольскомъ полку капитаномъ, потомъ вышелъ и опредѣленъ къ первому межеваню, при томъ межеванѣ пожалованъ коллежскимъ ассесоромъ; а какъ первое межеванье оставлено, то онъ опредѣненъ былъ въ Судный Приказъ, потомъ перешелъ въ Вотчинную Коллегію и пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ. Въ 766 году накі межеванье всего государства учреждено: тогда зять мой переведенъ въ Губернскую Межевую Канцелярію и пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ, въ которомъ чинѣ и понынѣ въ той Канцеляріи присутствуетъ съ отѣнной похвалой. (*Прислано послѣ*). Зять мой прижилъ съ сестрою моею Дарьей три дочери: Наталья, Настасья, Марья. Наконецъ, онъ былъ въ Главномъ Магистратѣ президентомъ, потомъ въ Сенатѣ оберъ-прокуроромъ, а изъ оберъ-прокуроровъ въ Володимирѣ губернаторомъ.

Я родился въ 1722 году. Тогда отца моего разбойники разбили, и подана была на сихъ злодѣевъ явочная челобитная, съ которой досталась мнѣ конія, почему я и рожденіе свое въ томъ году почитаю. Былъ я любимымъ сыномъ у моего отца. Отъ роду моего лѣтъ семи, или болѣе, отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филипу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Пономарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая, круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечми его, и казалось, что у него

шей не было. У него, в то же время, учились два брата мои двоюродные, Елисей и Борис. Учитель наш Брудастой жил только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ. Приходить я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покада мнѣ не скажутъ «аминь», не смѣлъ. Памято мнѣ мое учение у Брудастаго и поднесъ, по той можеть быть причинѣ, что часто меня събили лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣзность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтѣмъ прилежно, и учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моему силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, нигуда отъ Брудастаго отсука ни на малѣйшее время не было, а сидѣть на скамейкахъ безоходно и въ большіе лѣтніе дни великое мучение претерѣвали, то я отъ такового вседневнаго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣлалась безпамятна и все, что выучилъ прежде наизусть, при саушаніи урока въ вечеру, и половины прочитать не могъ, за что послѣднія резолюція меня, какъ непонятнаго, «съби». Я мнилъ тогда, что необходимо при ученіи терѣть надлежитъ наказаніе. Брудастаго жена, во время нашего учения, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотябъ и не то, что учимъ. Отрадѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнія, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ; по возвращеніи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокъ такъ, какъ утромъ при неутомленнѣмъ мысляхъ, весьма исправно и памято. Изъ сего нынѣ заключаю, что принужденное дѣтямъ учение грамотѣ невозможно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходять въ облыбіе и унылость; явственнѣ можно усмотрѣть сію правду, принудить только ребенка играть сверхъ его воли: тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣютъ, и тою игрою мало будетъ уже играть, или вовсе возненавидѣть. Въ подобіе сего обрѣтается: разныхъ рукодѣлъ мастера обременяютъ своихъ учениковъ не по силѣ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые, не возможныи снести такой налагаемой на нихъ тягости учения, обращаются въ бѣгство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ

воображенія страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣгъ жестоко, приходять въ отчаяніе дѣлаются бездѣльниками на вѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ такихъ беззудныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастой. Вымышлялъ иногда и я, отъ такового скучнаго сидѣнія, напрасно поазывать какія ни есть за собою затѣйныя приключенія и болѣзния, кончь отнюдь во мнѣ не бывало.

Въ одинъ день, когда учитель нашъ былъ въ полѣ съ женою своею на работѣ, братъ мой двоюродный Елисей (меня и Бориса, своего брата, постарше и ко всякимъ шалостямъ поотважнѣе), увида что на дворѣ Брудастаго никого кромѣ насъ троиухъ нѣтъ, поймалъ учителява любимаго кота сѣраго, связалъ ему заднія ноги и повѣсилъ въ сараѣ, въ которомъ мы учились, на веревкѣ за заднія ноги, съкъ кота лозою и что приговаривалъ не упионо; только то помню, что мы на его шутки глядя, съ Борисомъ, сѣда съ страху, чтобы не засталъ Брудастой, дрожали. И въ тотъ часъ, якобы на избавленіе своего кота, явился во дворъ свой нечаянно нашъ учитель. Елисей отъ сего извѣстія оробѣлъ, не успѣлъ кота съ пытки освободить, кинулся безъ памяти на скамейку за книгу свою учиться, погуга глаза въ книгу и духъ свой притаялъ, не могъ дышать свободно. Брудастой, увида кота висащаго на веревкѣ, отъ досады и жалости остодобелъ; потомъ пришель въ такое бѣшенство, что ухватилъ метлу, связанную изъ хворосту, случившуюся въ сараѣ, зачалъ стегать разъ за разомъ безъ разбора по Елисею и по книгѣ, и оною метлою отравяя подымалъ вверхъ листы изъ книги, которые по всему сараю летали. Брудастой былъ въ великомъ сердѣи, какъ бѣшеннѣй: стегая Елисея, тою же метлою, доставалъ нѣсколько страждущаго по близости на веревкѣ повѣшеннаго кота, который чатгелно усмирилъ звѣрскій тогдашній гнѣвъ его своимъ мауканемъ и тѣмъ сохранилъ остатки листовъ въ книгѣ. Мы отъ сей драки, съ Борисомъ, кромѣ страха ничего не претерѣли отъ Брудастаго; а Елисею, достовѣрно сказать можно, что не меньше книги досталось, которая великую отъ метлы претерѣла въ листахъ утрату.

Выучилъ я у Брудастаго азбуку. Отецъ мой отвѣтъ

меня близъ города Тулы къ живущей вдовѣ, Матрентъ Петровнѣ, которая въ замужествѣ прежде была за нашимъ свойственникомъ Аванасемъ Денисовичемъ Даниловымъ. Матрена Петровна имѣла при себѣ племянника родного и своему имѣнью наследника, Епифанова; по той причинѣ просила отца моего, дабы привезъ къ ней, какъ грамотѣ учиться, такъ и племяннику ея дѣлать компанію; а какъ вдова своего племянника много любила и нѣжила, потому не было намъ никогда принужденія учиться. Однако я, въ такой будучи волѣ и непринужденному ученію, безъ малѣйшаго наказанія, скоро окончалъ словесное ученіе, которое состояло только изъ двухъ книгъ, Часослова и Псалтыри. Вдова была великая богомольщица: рѣдкою день приходилъ, чтобы у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлять одинъ оную должность. Я употребленъ былъ въ таковой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читалъ не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходъ къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что я до слезъ доходилъ. Вдова, хотя и увидитъ такіа шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ нехота: «пооди тебѣ шутить, Ванюшка», и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала, только всякой день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акавистъ Богородицѣ всѣмъ въ слухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только признаюсь, сколько времени у ней я ни жилъ, не помню того, чтобъ прошель хотя одинъ день безъ драки: какъ скоро она приметъ свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положить на полъ и стануть съѣть батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкнуть и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ вдова щи кушать. Это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе: видно для хорошаго аппетита. Вдова такъ была собою дородна, что ширина ея тѣла немного уступала высотѣ ея роста. Въ одно время гуляли мы съ племянникомъ ея, и третій былъ съ нами молодой слуга, который насъ училъ грамотѣ и самъ учился; племя-

никъ ея и наследникъ завелъ насъ къ яблони, стоявшей за дворами, которая не огорожена была ничѣмъ, началъ обивать яблони, не спросивъ своей тетушки. Донесено было сіе преступленіе теткѣ ея, что племянникъ около яблони забавляется, обивая яблони; она приказала всѣхъ насъ троихъ привести передъ себя на величѣйшій судъ и, въ страхъ племяннику, приказала съ великимъ гнѣвомъ подвать немедленно невиннаго слугу и учителя нашего на козель, и събила его очень долгое время немилостиво, причитая: «не обивай яблочь съ яблони». Потомъ и до меня должна очередь: приказала вдова поднять и меня на козель, и было мнѣ удара три подарено въ спину, хотя я, какъ и учитель нашъ, яблочь отнюдь не обивалъ. Племянникъ обробѣлъ и мнилъ, что не дойдетъ ли и до него по порядку очереди къ наказанію, однако страхъ его былъ тщетный; только вдова изволила сдѣлать ему выговоръ въ такой силѣ, «что дурно-де, непригоже, сударь, такъ дѣлать и яблочи обивать безъ спросу моего»; а послѣ, поцѣловать его, сказала: «чаятельно ты, Иванушка, давеча испугался, какъ събила твоихъ товарищей; не бойся голубчикъ, я тебя никогда съѣмъ не стану».

Отецъ мой, прѣхавъ къ своей свойственницѣ вдовѣ, поблагодарилъ ее за мое содержаніе и взялъ меня въ домъ свой. По отъѣздѣ моемъ отъ вдовы черезъ годъ пришелъ къ ней ночью разбойникъ, вломился въ хоромы, убилъ у ней любимую постельную собачку Дульку, а ей выбили переднеіе всѣ зубы ружейнымъ прикладомъ; забравъ пожитки и нѣсколько боченковъ съ виномъ и водкою, ушли изъ деревни вскорѣ. За разбойниками учинена была собранная отъ сосѣдей погоня; тогда разбойники покидали за собою на дорогѣ по одному боченку съ виномъ, для пинья погонщикамъ, погонщики выпивали вино для смѣлости за разбойниками гнаться. Сильъ вымысломъ разбойники погоню за собою остановили и скрылись во свояси.

Потомъ отвезли меня въ городъ Данковъ, въ которомъ тогда воеводою былъ Никита Михайловичъ Крюковъ: онъ считался съ отцомъ моимъ родствомъ, а такъ близко не упомяну, только называлъ онъ отца моего «братомъ». У воеводы былъ сынъ Василій, въ мои глѣ ны еще моложе. Я жилъ у воеводы болѣе въ гостяхъ, нежели учился: хотя и былъ у сына воеводскаго учитель, отставной престарѣлый

попъ, только мы не всякій день и зады твердили. Отпустилъ насъ, на недѣлю Рождества Христова, воевода съ сыномъ своимъ по тому уѣзду Христа славить и за нами посылалъ подводу по пяти и болѣе порохныхъ саянъ, на подаеніе за славленіе. Мы каждый день привозили посланнаго за нами подводу полны хлѣбомъ и живыми курами и по нѣскольку денегъ, и въ недѣлю Рождества, какъ хлѣбъ, такъ и живыхъ куръ, немало натаскали къ воеводѣ. При ономъ славленіи намешъ посмотрѣлся я, что воеводскіе люди поступають въ уѣздѣ нахаиваѣте и безстыднѣе городскихъ разсылщиковъ; они собирали птицъ и съ тѣхъ дворовъ, въ которыхъ мы съ воеводскимъ сыномъ не были и Христа не славили.

Въ бытность мою въ Данковѣ, подать одинъ поѣздчикъ (а фамилію его не упомяну) прошеніе въ воеводскую канцелярію, что крестьяне его сдѣлались ему непослушны. Воевода, собравъ сколько у него при канцеляріи было солдатъ и разсылщиковъ, съ ружьями и кошами, послалъ подъячаго по инструкціи забрать крестьянъ-ослушниковъ въ канцелярію для наказанія; но бунтующіе крестьяне приготовились заранѣ къ принятію таковыхъ незваныхъ къ себѣ гостей, не забыли вооружить себя камнями, полѣвьями, дубьемъ и рогаatinaми, для своего защищенія. Притомъ они имѣли у себя изъ бунтовщиковъ одного главнаго уговорщика и предводителя, который объявлялъ о себѣ, что онъ отъ пули заговорить не только себя, но всѣхъ товарищей, которые съ нимъ городской командѣ противиться будутъ. Товарищи его, съ великою надеждою, на своего предводителя и заговорщика пулю уювая, выступили съ женами и дѣтми своими противъ городской команды на драку. Городская команда, по малости своего числа, вида противъ себя великое множество собравшагося со всякимъ орудіемъ народа, захватили для себя удобное мѣсто въ деревнѣ, дабы кругомъ не быть обхваченной отъ бунтовщиковъ, кои неустрашимо или прямо на посѣльныхъ, а передъ ними предводитель и заговорщикъ ружья, человекъ молодой, роста великаго и стройнаго (я видѣлъ, когда его привезли въ канцелярію убитаго). Приближался бунтовщикъ пустили изъ рукъ своихъ камни и полѣвья какъ градъ и повторили разъ за разомъ, съ великимъ крикомъ и бранью, которымъ швыряемъ они многихъ городовыхъ поранили. Между тѣмъ и городскіе посельные, защи-

щая себя, изъ своихъ ружей сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ безъ ошибки по толпѣ бунтующихъ; а одному удалось такъ небережно выстрѣлить изъ ружья по самому предводителю и заговорщику пулю, что онъ не успѣлъ своихъ заговорныхъ словъ выговорить и палъ на землю мертвъ. Увида бунтовщики предводителя своего мертва, дрогнули всѣ и начали спасать себя бѣгствомъ, куда кто могъ скрыться; городскіе, вида такое смятеніе, не упустили сего случая и начали ловить бѣгущихъ, и столько нахватали ихъ, сколько имъ можно было взять съ собою. Привезли они передъ канцелярію воеводскую въ Данковѣ, къ наказанію, бунтовщиковъ на трехъ подводахъ однихъ побитыхъ до смерти, въ томъ числѣ ихъ предводителя, и человекъ 20 полону здоровыхъ и раненыхъ. Я видѣлъ, когда допрашивали въ канцеляріи приведенныхъ бунтовщиковъ; крестьяне были всѣ молодые и здоровые, по платью и по рубахамъ не походили они на степныхъ крестьянъ, а на гулящихъ самыхъ бурмаковъ; при допросѣ они отвѣчали съ звѣрскимъ видомъ.

Немного я въ Данковѣ у воеводы пожилъ. Отецъ мой, той же зимою, которую привезъ, взял меня возвратно въ свой домъ. Оттуда взялъ меня нашъ родственникъ и однофамилецъ, Алфиногенъ Антиповичъ Даниловъ, къ себѣ, который былъ выпущенъ изъ гвардіи въ Глуховской гарнизонъ подпоручикомъ. Я, живучи у него, также какъ у Данковского воеводы, ничему не учился, да и родственникъ мой о семъ нimalаго не имѣлъ попененія. Одинъ разъ собрался мой родственникъ съ своею женою ѣхать въ Москву; они согласились и меня взять съ собою. Учрежденіе было отъ нихъ странное: мнѣ и съ служанками въ кибиткѣ сѣсть не досталось, а нашлось мѣсто назади стать съ лакеями за ихъ возкомъ, въ которомъ ѣхали; забыли они тогда, что мнѣ не было больше десяти отъ роду лѣтъ, кому же морозы были прекрестокіе. Уже я терялъ отъ сего труда и отъ стужи свои силы, и склоняло меня ко сну; но судьба мнѣ оказала благодѣяніе: люди, стоявшіе со мною назади повозки, пришли въ сожалѣніе обо мнѣ, вида меня въ такой крайности, часто брали подъ руки, сверхъ моей воли, уже ослабшаго отъ великаго стужи, и бѣжали со мною по дорогѣ, чтобы я согрѣлся, а не заснулъ бы вовсе. Наконецъ, къ великому моему счастью, довели меня, въ самую полночь,

въ городъ Каширу жива, и какъ скоро стали на квартиру, тогда я, бывъ въ предельной слабости, насилу могъ раздѣться, легъ на полати и тотчасъ отъ утомленія дорожнаго уснулъ вѣриво. Они, собравшись укинуть, будили меня, чтобъ я всталъ, однако трудъ ихъ былъ напрасный, сего имъ сдѣлать не удалось; а поутру явилъ обо мнѣ сожалѣнне, по моей слабости, и приговорили возвратитъ меня назадъ изъ Каширы домой и не брать въ Москву, чему я былъ весьма доволенъ и радъ. Понѣ того прихода, гдѣ родственникъ мой жилъ, случился быть тогда, для своихъ нуждъ, въ Каширѣ: отъезъ меня гораздо покойнѣе возвратно, нежели какъ я ѣхалъ въ Каширу. И прѣѣхалъ къ сестрѣ моей Аннѣ, въ домѣ ея, которая жила очень близко родственника нашего Анфиогена; она обрадовалась мнѣ чрезвычайно, что увидѣла еще живаго, а незамерзлаго.

Родственникъ мой Анфиогенъ, поживъ въ Москвѣ нѣсколькое времени, возвратился въ деревню свою, въ село Куюкино, гдѣ онъ жилъ; по прѣѣздѣ своемъ пригласили меня къ себѣ жить по прежнему. Потомъ родственникъ мой зачалъ собираться на службу, въ Глуховской гарнизонѣ, куда онъ опредѣленъ былъ; при отъѣздѣ своемъ оказавъ онъ мнѣ ласку, сказалъ, что онъ меня беретъ съ собою и въ Глуховъ. Благодарилъ ли я его за такую милость, что мнѣ ѣхать у него будетъ также, какъ въ Москву, назадъ коляски, того не упомяно; только то помню, что морозы такіежъ жестокіе были, какъ и въ Московскую поѣздку. Родственникъ мой двинулся въ Глуховъ, а мнѣ также за коляскою досталось ѣхать. Напередѣ ѣхали двое верховыхъ, у которыхъ ружья вѣсли на поножахъ, хотя и не по времени были таковы затѣи, вооружать верховыхъ; онъ лежалъ въ четверомѣстной коляскѣ, на перинѣ, въ лисьей шубѣ, подъ лисьимъ одѣяломъ, напившись прежде досыта взваренной въ булагной чашкѣ сجونки ¹⁾. Въ одинъ день накормили меня соленою рыбою, отчего въ дорогѣ такая меня жажда пить понуждала, что я, не пропуская никакой на пути случавшейся воды, пилъ ее до излишества, отъ чего сдѣлалась у

меня великая боль въ головѣ, и я отъ сего разнаго напитка занемогъ. Родственникъ мой, узнавъ о моей болязни чрезъ своихъ служащихъ, позволилъ мнѣ лечь съ собою въ коляску, въ которой я немного покойнѣе былъ, нежели за коляскою. Когда онъ не спалъ дорогою, то обучалъ свою ягзавую собаку, которая съ нами въ коляскѣ пребывала третью; а чтобъ собака его не боялась огня и ружейнаго выстрѣла, то онъ на каждый день заряжалъ часто пистолеты, стрѣлялъ и веспышки дѣлалъ, для своей собаки, въ коляскѣ. Какъ бы то ни было, только мы доѣхали до Глухова благополучно.

Заняли мы квартиру въ форштатѣ. Онъ явился въ команду въ Глуховскомъ гарнизонѣ. Я почасту хаживалъ въ вѣрпость, которая есть земная и немалой обширности: видѣлъ я тамъ много каменнаго строения и каменную соборную церковь. Въ торжественные дни удивительнѣе мнѣ былъ, по моимъ тогдашнимъ лѣтамъ, колокольный въ соборной церкви звонъ, отъгнанный отъ нашего звона, потому что звонили безъ перебора на одѣнѣ, всѣми колоколами вдругъ; также пальба бывала на площади изъ маленькихъ чугуинныхъ мортиръ, которая заряжали порохомъ и заколачивали мѣсто пыжа пеньковаго деревянными втулками, отъ чего происходила по всему городу громкая пальба. Былѣ сего положенія мѣста города примѣтитъ я ничего не могъ, понеже все тогда было покрыто снѣгомъ. Немного мы въ городѣ Глуховѣ съ своимъ родственникомъ нагостили: онъ отпросился въ отпускъ въ домъ свой, а при отъѣздѣ нашемъ въ возвратный путь купилъ онъ три кумы вина простого, не для того, чтобъ, онаго въ деревнѣ его было недостаточно; но что оно тогда въ Глуховѣ было очень дешево, привозили обозами и продавали на рынкѣ, такъ жалъ было съ дешевымъ виномъ разстаться. Онъ нанялъ подъ оныя кумы извозчиковъ, и довели къ нему въ деревню въ вѣрпости. По прѣѣздѣ нашемъ въ деревню возвратно засталъ онъ жену свою здоровую, которая по отъѣздѣ нашемъ въ Глуховъ оставалась больною. Она встрѣтила мужа своего съ такимъ выговоромъ, что къ чему-де онъ такъ скоро поспѣшилъ отпроситься въ отпускъ домой? Видно, ей не было скучно и безъ него. Она была не очень прихотлива: когда

¹⁾ Сجونка дѣлается такъ: наливъ водки или вина, положить меу и зажечь, покуда загаснетъ.

не случалось серебряной ложки, то падалась досыта и деревянной безъ разборчивости.

Въ одно время вѣдувалось моему родственнику Анфиногену пробовать изъ кувѣ Гауховское вино; прибавляя въ рюмки сахару, пилъ самъ, упрямей отвѣдать свою жену и мою сестру Ану, которая тогда случилась быть у нихъ въ домѣ. Они всѣ трое вѣкорѣ узнали силу Гауховскаго вина, вышли изъ ума, прежде пѣли пѣсни, плясали, цѣловались, потомъ зачали плакаты; а наконецъ, вѣмѣшалась къ нимъ тутъ престарѣлая хозяйка, наприданная мамка, пошептала вѣчто обонимъ, барину и барынь своей на ухо, отчего они вѣкорѣ поссорились и чуть не подралсь. А какъ и поутру мира не было, а развратъ у родственника моего съ женою не кончился, то сестра моя отѣхала въ свой домъ; и я съ сестрой удались, а отъ нея переѣхалъ къ своему отцу.

Братъ мой большой, Егоръ, командированъ былъ въ 1736 году изъ Малороссіи, гдѣ зивовала армія, въ Москву, отъ перваго Московскаго полка, къ коемъ онъ служилъ еще капраомъ; забѣжалъ тогда въ домъ отца свое(го) для свиданія, а отѣзжая взять меня съ собою въ Москву. Въ 737 году, въ Москвѣ, записать меня братъ мой Василій въ Артиллерійскую школу, гдѣ онъ уже былъ записанъ прежде меня.

По вступленіи моемъ въ школу учился я вмѣстѣ съ братомъ. Жили мы у своевѣнника своего Милославскаго, котораго дворъ былъ близъ Каменнаго моста. Въ домѣ была дворецкаго жена, Степановна, въ родѣ своемъ добродѣтельная; она меня не оставляла, а паче, какъ по прѣздѣ моемъ въ Москву, въ 737 году, занемогъ я горячкою, которая тогда во всей Москвѣ была пятнами, перевадка и мортъ, я лежалъ у оной Степановны, и она за мною, какъ за своимъ сыномъ, приежню ходила. Простонародіе, отъ своего незнанія тогда въ Москвѣ, полагало смѣхотворную причину оной болѣзни мора, яко бы въ Москву въ ночи, на сонныхъ или спящихъ людей, привели слова изъ Персіи. Мы хаживали съ братомъ на полковой артиллерійскій дворъ, близъ Сузаревой башни; тамъ была учреждена наша школа, въ которой записано было дворянъ до 700 человекъ, и обучали безъ малѣшняго порядка.

Я былъ охотникъ рисовать. Зная мою къ рисованію

охоту, сидящій близъ меня ученикъ Жеребцовъ (который нынѣ имѣетъ честь быть въ артиллеріи полковникомъ), сыскавъ не знаю гдѣ-то рисунокъ на полулистѣ, пріесть съ собою въ школу показать мнѣ рисованіе; а при учителямъ нашимъ, Прохорѣ Алабушевѣ, были тогда приватные незаписанные ученики князь Волконской и князь Сибирской. Они по большой части, бродя въ школѣ по вѣзмъ покажмъ безъ дѣла, разныя дѣлали шутки и шалости. Изъ оныхъ шагуновъ одинъ, увидя рисунокъ у Жеребцова, вырвалъ его изъ рукъ и побѣжалъ, съ великою скоростью, какъ съ побѣдою, являть учителю Алабушеву: «Жеребцовъ ученикъ не учится, и вотъ какіе рисунки въ рукахъ держитъ». Алабушевъ былъ человекъ пьяный и вздорный, по третьему смертоубійству сидѣлъ подъ арестомъ и взять обучать въ школу: вотъ какой характеръ штыкъ-юнкера Алабушева; а потому можно знать, сколь великій тогда былъ недостатокъ въ ученыхъ людяхъ при артиллеріи. Алабушевъ вѣзетъ привести Жеребцова передъ себя и, не принявъ отъ него никакого оправданія въ невинности, повая его на полъ, вѣзетъ рисунокъ положить ему на спину и сѣкъ Жеребцова немилостиво, покуда рисунокъ розгами разтегали весь на спинѣ; помню, что не одинъ рисунокъ пострадалъ, а досталось и подлядкѣ. Оное странное награжденіе, за рисованіе оказанное, я вида, положижъ самъ себѣ обѣщаніе твердое, чтобъ никогда не носить никакихъ рисунковъ съ собою въ школу и товарищу своему Жеребцову совѣтовалъ тожъ всегда припомнить, что въ нашей школѣ, вмѣсто похвалы, наказаніе за рисованіе учреждено; однако не страшю меня Жеребцова наказаніе, и я продолжалъ учиться рисовать, только не въ школѣ.

Ученики были всѣ помѣщены въ четырехъ великихъ свѣтлицяхъ, стоявшихъ черезъ сѣни, по двѣ на сторонѣ; когда позволялось покинуть ученье и идти обѣдать, или по домамъ, тогда бывало учинять великій и безобразный во всѣ голоса крикъ, на подобіе ура, протяжно «шебашъ».

Въ томъ же 737 году, въ небытность Милославскаго въ Москвѣ, на самый Троицкнй день, поварова жена, на дворѣ вѣмѣши чуланъ, зажгла въ немъ передъ образъ дедескнню свѣчу въ угодушность праздника, а сама пошла подъ палаты (тамъ была кухня) для себя готовить вѣтъ свѣча

отъ образа отпаала и зажгла чуланъ вмигъ. А бывшіе во дворѣ люди, на такой несчастный случай, всѣ были у обѣди, въ самое второе колѣнопреклоненіе, услышали о пожарѣ, выбѣжали поспѣшно всѣ вонъ, но ужъ поздно: огонь занялъ половину двора; къ несчастію тогда былъ вѣтеръ сильный, а время было сухое, то отъ сей денежной свѣчки распространился въ скорости гибельный и страшный пожаръ, отъ коего ни четвертой, мною, доли Москвы цѣлою не осталось. Въ Кремлѣ дворцы, соборы, коллегіи, ряды, Устрѣтенка, Мясницкая, Покровка, Басманная, Старая и Новая слобода всѣ, въ пепелъ обращены, и насилу, всѣ силы соединя, могли отстоять Головинскій за Язузою дворецъ; въ сѣмъ же свирѣломъ пожарѣ народа немало, а имѣнія и товаровъ несчетное множество, погорѣло.

Братъ мой Василій, бывъ со мною года три вмѣстѣ въ Москвѣ, потомъ взять былъ, указомъ, съ прочими учениками въ Петербургскую школу. Свойственникъ мой Милославской, у котораго я при столѣ питался, являясь на Вельяминовой, престарѣлой дѣвушкѣ, уѣхалъ въ Арзамаскія свои деревни вторично, оставивъ меня у своего управителя.

Въ одинъ день случилось мнѣ идти переулкомъ близъ Воскресенія въ Кадшахъ, что за Московско-рѣкою; усмотрѣвъ я въ одномъ домѣ на окошкѣ поставленный каменный поугай, раскрашенный изрядно. Я любовицтевуя, остановился противъ того окна, глядѣть на поугая пристально; въ тотъ же самый часъ барыня дородная и хорошаго лица, подошедъ къ окну, спросила меня, что я за человѣкъ? А какъ узнала отъ меня, что я артиллерійскій ученикъ и притомъ дворянинъ, то просила меня учтивымъ образомъ, чтобъ я вошелъ къ ней въ хоромы. Она приняла меня ласково и спросила, гдѣ я и далекокъ и у кого живу? И се обо всемъ увѣдомилъ и не понялъ тогда скоро, къ чему открывается мнѣ такая ласка отъ боярыни незнакома. Наконецъ, призвала она своего сына, который тогда былъ на голубятнѣ, гонялъ тонкими шестомъ вверхъ голубей; мать его просила меня, чтобъ я спросилъ сына ея, что онъ учитъ и хорошо знаетъ ариметику. И, узнавъ отъ него, по свидѣтельству, сказать ей, что онъ очень мало знаетъ. Она, услышавъ отъ меня сіе, прибавила своего ко мнѣ учтивства и ласко-

вости, просила меня: не могуль я ей сдѣлать одолженія, перейти къ ней жить и показывать, когда свободно будетъ, снуду ея ариметику? Я разсудилъ, что приличнѣе мнѣ и компанію дѣлать дворянской жень и ея снуду, Вишняковымъ, невелик свойственника своего Милославскаго управителю Комаровскому, у коего я былъ оставленъ на удовольствіи. Живши нѣскольکو времени у Вишняковой, выучилъ сына ея ариметики. Сестра родная Вишняковой была въ замужествѣ за Секеринымъ, который записанъ былъ въ нашей же школѣ ученикомъ; прилежно просила она меня перейти жить къ ней, дабы вмѣстѣ ѣздить съ мужемъ ея въ школу. Я за полезное принялъ отъ нея сіе предложеніе, перешелъ къ Секериной: намѣреніе ея было, чтобъ и мужъ ея, также какъ и племянникъ, отъ меня нѣскольکو занялъ ученія; но не удалось ей сего произвестъ по ея желанію въ дѣтство, ибо мужъ ея Секеринъ великій былъ шалуни, ничего учить не хотѣлъ, переписался изъ школы въ армейскіе полки и тѣмъ отбылъ отъ ученія.

Въ 739 году пойманъ былъ разбойникъ, князь Лихутевъ, и въ Москвѣ на площади казненъ; голова его была поставлена на колѣ. Сіе для меня первое было укасное зрѣлище.

Въ 740 году Государыня Анна Іоанновна скончалась, и была великая переѣма въ правленіи: я помню, что три раза былъ въ Чудовѣ монастырѣ у присяги.

Братъ мой Егоръ пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга, для взятія полковъхъ писемныхъ дѣлъ отъ перваго Московскаго полка, въ которомъ тогда еще служилъ сержантомъ. Онъ выпросилъ меня изъ Московской въ Петербургскую школу, куда я съ нимъ отправился и пріѣхалъ въ Петербургъ. Братъ мой Василій выпущенъ былъ съ прочими изъ школы сержантомъ, а какъ по выпускѣ ихъ было много въ школѣ ваканцій, то стараніемъ брата моего Василія опредѣленъ я прямо въ первый классъ въ Чертежную школу. Въ оной тогда было три класса, въ каждомъ положено по десяти учениковъ изъ дворянъ и офицерскихъ дѣтей; жалованье было опредѣлено въ третьемъ классѣ по двѣнадцати, во второмъ по осемнадцати, въ первомъ по двадцати по четыре рубли въ годъ; да въ тойже школѣ было на казенномъ содержаніи, изъ пушкарскихъ дѣтей, которые въ школѣ и жили, шестидесятъ человѣкъ. Изъ чертежныхъ учениковъ

выпускали въ артиллерійскую службу, изъ коихъ нѣтъ въ генералъ-поручикахъ и генералъ-майорахъ, а иѣкоторые и кавалеры есть; а изъ пушкарскихъ дѣтей выпускали въ мастеровые, въ писари полковые и канцелярскіе. Надъ оною школою былъ директоромъ капитанъ Гинтеръ, человекъ пріятный, тихій и въ тогдашнее время первый знаніемъ своимъ, который всю артиллерию привелъ въ хорошую препорцію. Я по своей охотѣ, сверхъ школьнаго учителя, съекавъ хорошихъ себѣ постороннихъ мастеровъ, хаживалъ къ нимъ учиться рисовать. Писалъ я также нѣсколько живописи, разныя картины, ландшафты и портреты изъ масляныхъ красокъ; въ школу прихаживали многіе офицеры смотрѣть моихъ рисунковъ, а отъ похвалы оныхъ зрителей умножалась во мнѣ прілежность и охота къ рисованію. Директоръ нашъ Гинтеръ безподобенъ былъ Алабушеву: отъменно меня отъ другихъ учениковъ хвалилъ за рисованіе.

Въ 743 году назначили изъ артиллерійской школы выпускъ, между прочимъ и я былъ въ числѣ оныхъ. Я приготовилъ артиллерійскіе чертежи и многіе рисунки на экзаментъ, а между тѣмъ командированъ былъ на заводы Сестрѣбекъ, для рисованія венецей и литеръ на тесакахъ, которые готовились для корпуса Лейбъ-компаніи; по возвращеніи моемъ съ Сестрѣбека взятъ былъ въ Герольдію, для рисованія дворянскихъ гербовъ на Лейбъ-компаніи, чѣмъ они тогда удостоены были веѣ. Потомъ представили насъ къ фельдхеимстеру князю Гессенгобургскому: пожалованъ былъ фурьеромъ. По выпускѣ моемъ изъ школы директоръ нашъ, капитанъ Гинтеръ, причислилъ меня въ свою роту и къ лабораторіи, для рисованія плановъ, въ которой тогда былъ фейверкоромъ Иванъ Васильевичъ Демидовъ.

Въ 744 году было шестіе вторичное Государыни Императрицы Елизаветы Петровны въ Москву, и для того командированъ я былъ съ капитаномъ Воейковымъ; при немъ штакъ-юнкоромъ Мартыновъ, который нѣтъ при артиллеріи имѣть честь бытъ генералъ-поручикомъ. По прибытіи нашѣмъ въ Москву посланъ былъ я въ село Всевяжское, къ наравичу Бакару, который въ артиллеріи у насъ былъ тогда генералъ-поручикъ, дабы сдѣлать иллюминацію на случай тотъ, когда Государыня чрезъ Всевяжское село въ Москву поѣдетъ, то чтобы упросить ее къ вечернему столу

кушать, что и было учинено. На таковой случай былъ весь домъ у него иллюминированъ фонарями: я оное исполнить первый разъ одинъ, безъ моихъ командировъ, и заслужилъ себѣ за то похвалу, коя молодому человеку придаетъ охоту получать оную. Капитанъ Воейковъ, мой командиръ, былъ человекъ безстыдный, наглый во всѣхъ своихъ поступкахъ; а порокъ его свѣрный презошелъ въ его худыя дѣла, по которымъ онъ во многихъ судахъ и сѣдствіяхъ находился, по доносамъ на него сдѣланнымъ. Онъ былъ прежде въ Бѣльгородѣ, въ командѣ у полковника Фуса, и правилъ майорскую должностъ. Полковникъ былъ человекъ строгій и на Воейковъ всю свою строгость показывалъ, что въ непристойномъ мѣстѣ съ ругательствомъ приказы отдавалъ, какъ онъ самъ признавался и рассказывалъ намъ отъ Фуса свое притѣненіе; а дабы ему Воейкову и самому оной строгости, показанной отъ Фуса, не позабыть, то зачалъ онъ надъ своими подчиненными зады свои твердить, изъ коихъ и я отъ него не забыть былъ. Онъ присылалъ за мною на квартиру, которая разстояніемъ отъ Воейковой была версты двѣ, ординарца; какъ я къ нему приду, то скажетъ мнѣ ничего незначущую нужду и велитъ возвратиться на квартиру, по возвращеніи жъ моемъ тотъ моментъ увижу я за собою отъ Воейкова опять ординарца, который за мною по пятамъ шель, и сказываетъ, чтобы я возвратился немедленно. Я, ходя взадъ и впередъ каждый день, немалое время до самой ночи, а въ ночи переходя Кузскую фабрику, черезъ которую была мнѣ дорога ходить къ Воейкову, отъ собакъ, коихъ было множество злѣйшихъ, великій страхъ претерпѣвалъ и мученіе, обороняясь долгое время напашемъ, приходилъ до безсилія. Сначала не могъ я дознаться ни по чему, за что бы на меня такая великая злость и гоненіе обращено отъ Воейкова безвинно; якъ былъ тогда въ столь маломъ чинѣ, что никакъ себя защитить не былъ въ состояніи. Воейковъ имѣлъ поподзновеніе къ прибытку, а наче по своимъ мерзкимъ порокамъ боялся отъ своихъ подчиненныхъ на себя доноса, почему часто въ поученіи своемъ намъ сказывалъ, что какъ это худо есть, кто дѣлаетъ себя доносчикомъ. Я дознался наконецъ, къ чему было такое предисловіе; только у меня на умѣ того не было, чтобы быть мнѣ когда вѣбудъ на него доносителемъ, и ниже на

хозяйскія дочери и того дома двѣки работныя, и не пропуская ни одного человѣка молодого, мими идущаго, присѣдая являются всѣмъ ласково; пріятно всякому сей обычай показаться можетъ, а паче небыватому чековѣку. Я напѣть въ Ригѣ многихъ знакомыхъ мнѣ офицеровъ, которые прежде въ Москвѣ со мною учились въ школѣ; также, увидя ласковое обхожденіе Рижскихъ дѣвицъ и женщинъ, время отъ времени стать и забывать и свою Петербургскую Шарлоту.

Прусскій король намрѣнь былъ начать войну съ союзниками Россіи, Цесарями, для того и наша армія расположена была кругомъ Риги. Командовалъ ею престарѣлый фельдмаршалъ Лесій, онъ же былъ тогда и Рижскій губернаторъ. Въ артиллерійскомъ корпусѣ главнымъ командиромъ былъ полковникъ Бороздинъ (что нынѣ генералъ-аншефъ въ отставкѣ), да майоръ, прежній мой командиръ, Воейковъ. Бороздинъ былъ человѣкъ честолюбивый и строгій, а Воейковъ скоръ и нагль, то Воейкова прoderзость не по нравилась Бороздину, отчего произошло у нихъ несогласіе; они раздѣлились на свои партіи офицеровъ: которые ходили къ Воейкову, тѣ уже не ходили къ Бороздину. Таковій развратъ видя, я принялъ наирѣднѣе быть никоторой стороны, а ходить къ обоимъ равно; однако Бороздина всегдашняя ко мнѣ ласка понудила меня, не покидая Воейкова, почаше у него быть; а дабы я отъ Бороздина и по командѣ былъ болѣе неотлучнымъ, то обязалъ онъ меня тремя комисарствами при полку: у денежной казны, при лазаретѣ и при цехуаузѣ у амуничныхъ вещей, а сверхъ того ротой я правилъ и у шитья мундировъ находился. Во всею мою бытность въ Ригѣ не выпускалъ онъ меня изъ своихъ глазъ; обѣдывалъ я и ужиналъ всегда при его столѣ, въ гости куда безъ меня не ѣзжалъ; наконецъ прискучила мнѣ Бороздина ласка такъ, что я каждый день не складалъ съ плеча своихъ кафтана. Выведены мы были близъ города въ лагерь, изъ коего хаживали иногда для прогулки въ форштатъ, въ коемъ товарища мои имѣли такіе знакомыя дома, гдѣ всѣхъ ласково принимаютъ: завели они меня съ собою въ одинъ домъ, въ коемъ я увидѣлъ то, чего до того времени ни гдѣ видѣть мнѣ не случалось. Дѣвочки того дома сядили на колѣни ко всѣмъ пришедшимъ къ нимъ гостямъ, обнимая ихъ за плечо съ непристойною рѣзвостію, не имѣя никакого хотябы

притворнаго стыда; переходили онѣ съ колѣней на колѣни мущинъ, которые дѣлали между собою шутку; одинъ отъ другого таковую Юру переманивали къ себѣ. Я, увидя такіе ихъ поступки, возненавидѣлъ, а паче усмотря въ семь домъ въ загородкахъ сидиція и стениція муми, у коихъ голова и лице были обвязаны полотномъ, отягощены болѣзнію, въ которой онѣ по видимому страждутъ и страдаютъ будутъ до конца своей жизни неизбежно; содрогнувъ я на сіе глядя и воображалъ самъ себѣ, что здѣсь Юльхины и Марихины еще опаснѣйши мнѣ быть могутъ, нежели какъ моя Петербургская Шарлота, которую я началъ было забывать отъ разлуки.

По отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга въ Ригу произвели Мартынова изъ поручиковъ въ оберъ-фельдверкеры: чинъ оный равенъ былъ съ капитаномъ артиллеріи. Мартыновъ просилъ генерала Шульца неотступно, чтобъ меня ему на помощь возвратили изъ Риги въ Петербургъ. Просьба его была исполнена: генералъ Шульцъ прислалъ ордеръ въ Ригу, Бороздину, чтобъ меня возвратитъ въ Петербургъ. Бороздину, сильно не хотѣлось меня отпустить отъ себя, а удержать при себѣ никакъ было невозможно; онъ просилъ меня дружески, чтобъ я писалъ къ Мартынову, дабы я былъ оставленъ по прежнему въ Ригѣ. Я ему на то отвѣчалъ, что сего не могу сдѣлать, потому что я человѣкъ молодой, ищу своего счастья во всѣхъ случаяхъ; что Мартыновъ мнѣ великій давно пріятель и знаетъ мою способность въ той должности, къ которой онъ меня требуетъ; и что мнѣ также будетъ пріятно быть въ командѣ у моего пріятеля, какъ и у васъ (говоря Бороздину).

Поживъ невстунно годъ въ Ригѣ, я отправился, въ 751 году, въ Петербургъ. По пріѣздѣ туда, Мартыновъ поручилъ мнѣ смотрѣніе имѣть надъ школою, а фелдверки и влюминанціи отправляли мы вмѣстѣ. Услышавъ пріѣздъ мой въ Петербургъ, бывшая моя Шарлота явилась ко мнѣ на квартиру, съ таковымъ чаятельно намрѣніемъ, дабы быть въ прежней ей должности, брать болѣе для мытья. Я сказалъ ей съ наибольшимъ сожалѣніемъ, что мѣсто, гдѣ я живу, не позволяетъ вашему бывать присутствію, для того, что со мною живутъ офицеры, такъ дѣвчнкѣ ходить неприлично, а для мытья болѣе буду присматривать къ вамъ съ

моимъ слугою. Я тогда самъ своей переѣмѣ дивился, что такъ скоро сдѣлать отвычку отъ Шарлоты, чего прежде воображать страшился; изъ сего заключаю, что нѣтъ полезнѣе испытанія каждому молодому человѣку отъ любовной страсти, хотя кому и покажется невозможнымъ, какъ удалиться бѣгствомъ.

Въ 752 году Государыня Императрица Елисавета Петровна изволила путешествовать въ Москву и мы съ Мартыновымъ командированы были для исправленія фейерверковъ и иллюминацій. По приѣздѣ нашемъ въ Москву пожалованъ я быть съ прочими, отъ Военной Коллегіи, въ подпоручики; представляя мы, какъ государственные, такъ и партикулярныхъ людей, фейерверки и иллюминаціи, отъ всѣхъ съ великою похвалою. Наконецъ, сверхъ чаянія нашего, явился Итальянецъ Сартти, въ Москвѣ, который представилъ въ оперномъ домѣ, послѣ трагедіи, фейерверокъ своего искусства, къ большому всѣхъ жителей удовольствію: оный состоялъ изъ переѣмныхъ разныхъ фигуръ, одна послѣ другой зажигалась сама, съ великимъ порядкомъ и акуратностію, фигуры состояли изъ ракетъ бѣлаго огня, колесами и фонтанами дѣйствуемыя. Призваться можно, что мы немалое затрудненіе находили въ подобіи сего огня и искоръ, кои по своей величинѣ отъ насъ казались; а паче, услыша отъ многихъ придворныхъ похвалу оному Сартти, старались и мы увѣрить съ своей стороны, что мы не только подобное Сарттѣву фейерверку сдѣлаемъ, но что въ другомъ родѣ еще и лучшее показать можемъ. Мартыновъ выпросилъ позволеніе, дабы и намъ представить въ оперномъ же домѣ фейерверокъ. Мы крайнія силы прилагали въ изобрѣтеніи всякихъ рѣдкостей, для представленія зрителямъ; однако не великую бѣ мы похвалу получили, есан бы нечаянный случай не привелъ меня сдѣлать пробу зеленого огня, который во всемъ свѣтѣ не найдешь еще и поддесъ; дабы формально горѣли въ фитилѣ, какъ прочіе огни, а представляютъ оный спиртовой, подобно моему. Я взялъ яри Венеційской, разведя на водкѣ, намочилъ его хлопчатую бумагу, зажегъ и увидѣлъ, что горѣть самый зеленый огонь; я продолжалъ къ тому многія пробы и дошелъ до того, что можно его жечь, сдѣлавъ изъ него фигуры. Мартыновъ, увидя оный, радъ былъ сей случайной выдумкѣ зеленого огня. Свѣдавъ о семъ, многіе при-

ѣзжали къ намъ того огня смотрѣть, и отъ всѣхъ похвала великая разнеслась по Москвѣ. Командующій тогда артилеріею генералъ Матвій Андреевичъ Толстой, человекъ величавый и гордый, и свое знаніе, какъ артиллерійское, такъ и фейерверочное, выше всѣхъ почитая, не хотѣлъ и слышать, чтобы кто либо уподобился его знанію, приказалъ мнѣ съ Мартыновымъ къ себѣ быть и показать зеленый нашъ огонь. Мы поѣхали къ нему на смотръ, я взялъ зеленого фитиля съ собою. Толстой генералъ отвелъ насъ въ особливую палату смотрѣть зеленого огня; по зажженіи оного Толстой пришелъ въ удивленіе и, видя огонь, заключилъ тѣмъ, что секретъ зеленого огня не менѣе Колумбусова янца удивителенъ. Генералъ Толстой присовокупилъ къ намъ съ Мартыновымъ, къ сей выдумкѣ зеленого огня, третьяго офицера, своего племянника Левлева, дабы, въ случаѣ чего-либо намъ за сію рѣдкость награженія, и племянникъ его Левлевъ участникъ былъ. Намъ назначили день жечь фейерверокъ въ оперномъ домѣ. Я имѣлъ попеченіе болѣе о своемъ зеленомъ огнѣ, которымъ намѣренъ былъ представить на смотрѣ, не выше двухъ аршинъ, визелевое имя Государыни Императрицы Елисаветы Петровны; и дабы оный зеленый фитиль мнѣ свѣчею не зажигать было явно, то я въ паралель зеленому фителю снизу подвелъ сѣрый фитиль, товкій, для зажженія. Мы начали фейерокъ жечь въ присутствіи Государыни, иностранныхъ министровъ и придворныхъ, состояцій изъ разныхъ колесъ и малыхъ по пропорціи опернаго дома верховыхъ ракетъ, который никому удивленія большого не сдѣлалъ. Зажженный планъ показался сперва отъ сѣраго фитиля синій, вмѣсто зеленого, что увидя смотрители, а паче наши пріятель, желавшіе намъ добра, пришли до великаго сомнѣнія и думали, что въ нашу неудачу оное произошло; а когда синій огонь разгорѣлся и зажегъ зеленый фитиль, то всѣ въ удивленіе пришли и хвалили такую показанную отъ насъ рѣдкость. Я кругомъ сего плана сталъ еще, чтобы оный доргорѣть исправно. Въ то самое время товарищи мои не упустили времени подкочить въ локу къ Государынѣ, которая ихъ пожаловала къ рукѣ; я оглянулася, искать глазами моихъ товарищей: они бѣгутъ уже ко мнѣ возвратно и сожалѣють обо мнѣ, говоря, что я съ ними не успѣлъ быть у руки. Я сказалъ имъ: еслибъ я покинулъ

брошены или найдены бесполезными. Наконец, вылита была таковожь калибра и названа *одиночка*, которая стрѣляла картечью, гранатою и ядром попеременно; она одиночка имѣла въ себѣ камору конусомъ, отчего стрѣляла далеко, потому графу Шувалову показалась. Онъ приказалъ вылить калибромъ на шестифунтовую гранату, потомъ и до пятифундовой бомбы дошло, и названы она были отъ того времени *единорогами*. Увѣщая графъ своею графскою короною оныя единороги, прошедшия отъ выдумки случайной моею съ Мартыновымъ по всей справедливости гораздо полезнѣе секретной гоубицы и шашъ въ арміи и во флотѣ весьма способны оказались; а на Выборгской сторонѣ, на пробу единороговъ и секретныхъ гоубицъ, пороху и прочихъ припасовъ великое множество было разстрѣляно.

Въ 756 году пожалованъ я въ оберъ-фейерверкеры, на мѣсто Мартынова, съ рангомъ поручика. Бороздинъ подполковникъ, ласковый мой благодѣтель, взятъ былъ изъ Риги въ Петербургъ. Графъ принявъ Бороздина на первый случай отъменно противъ прочихъ штабъ-офицеровъ, или Бороздинъ своимъ проворствомъ самъ того высказалъ у графа: для того приказалъ графъ ему сдѣлать всѣхъ въ артиллеріи находившихся орудій, со уменьшеніемъ калибра, для поднесенія Цесаревичу Павлу Петровичу. Бороздинъ поручилъ оную мнѣ комиссію исполнить. Я забралъ всякаго рода мастеровъ въ артиллеріи, учредилъ оную комиссію въ школу, гдѣ я жилъ, и черезъ нѣкоторое время сдѣлалъ всѣхъ находившихся въ артиллеріи пушекъ, мортиръ и гоубицъ, и къ нимъ всякую принадлежность, противъ натуральной величины въ двѣнадцатую долю калибромъ, самой хорошей работы, съ позволеніемъ и чеканками, серебряными клеймами, съ везаніемъ его высочества; подѣлалъ всѣ оныя орудія состроими на батарею столарную, по препорціи, обили зеленымъ бархатомъ, обложили гасомъ золотымъ въ пристойныхъ мѣстахъ, и принесли къ графу въ его домъ. Онъ, увидя батарею съ принадлежностями работы самой чистой и въ аккуратной препорціи сдѣланную, оказалъ свое удовольствіе и похвалу справедливую. Я былъ графу рекомендованъ отъ Бороздина, что все оное сдѣлано было подлѣ моимъ смотрѣніемъ. Съ того самого времени началъ графъ отъменно меня принимать, такъ что, когда за столомъ при общѣ случалось ему, графу, разговаривать и совѣтовать объ артиллеріи,

то, оставя всѣхъ съ нимъ сидящихъ, требовалъ отъ меня своему разговору одобренія и изъясненія. Я ему отвѣчалъ на всѣ его слова по приличности и, видя хорошее о себѣ мнѣніе, утѣшался тѣмъ немало.

Въ одинъ день случилось мнѣ быть въ своей квартирѣ, сидѣлъ надъ окошкомъ и увидѣлъ, что изъ двора, противъ моего окошка чрезъ уаизу, сошла одна молодая и хорошаго лица женщина, голова убрана волосами и наудрена, а одѣта въ амазонское платье: съѣла въ подвесную для нея однокочку, уѣхала отъ своей квартиры. На тогдашній случай былъ у меня нашъ офицеръ Полухостовъ, съ которымъ мы разговаривая дивились тому, что прежде никогда намъ не случалось видѣть въ нашей улицѣ такой рѣдкости и, пошутя между собою, сдѣлали изъ бумаги знаки, уподобясь полицейскимъ служителямъ, накололи булавами на свое платье вырѣзанными литеры, одинъ сотскаго, другой десатскаго, пошли прямо на тотъ дворъ, откуда сошла незнакомая намъ амазонка; мы шутя спрашивали у хозяйки того дома, кто у ней стоитъ постоемъ, и имѣеть ли паспортъ? Какъ хозяйка была намъ знакома, то она насъ увѣдомила обстоятельно; что занимается у ней мадамъ, которая-де учитъ дѣтей у Александрова Воейкова; легко мы поняли сказанную отъ хозяйки намъ повѣсть, а паче зная Воейкова нетрудно было заключить и о мадамъ. Тотъ же день мадамъ къ вечеру возвратилась на свою квартиру и вышла уже не изъ однокочки, а изъ кареты, въ которой она прѣѣхала. Подошедъ къ каретѣ обо дворъ живущіе наши офицеры, съ гостями своими, стали спрашивать у кучера, чья эта карета? Кучеръ отвѣчалъ имъ, что карета Жеребцова. Офицеры уличали кучера, что они знаютъ, что карета Воейкова, а не Жеребцова: съ таковымъ споромъ кучеръ, заворота съ каретою, поскакалъ домой. На тотъ часъ случился быть въ гостяхъ у офицеровъ нашихъ Лейбкомпанецъ, который взялся добровольно гнаться за кучеромъ, не имѣвъ никакой къ тому причины: сѣлъ верхомъ на свою лошада, поскакалъ во весь скокъ, догнавъ кучера съ каретою и у всѣхъ предъ глазами зачалъ плетью стегать кучера, а кучеръ отвѣтствовать Лейбкомпанцу бичемъ по чьмъ ни попадетъ, съ тѣмъ они и скрылись. Офицеры, по таковомъ зрѣлищѣ, подошли къ квартирѣ подлѣ окошка, гдѣ амазонка квартировала, начали

вычитать хозяйки свои заглавные претензии, будто они от кучера приехавшей к ней в домь пероны обижены; я, поднявъ свое оконшко, сказала имъ, чтобы они не дѣлали непристойности, что въ семь домъ хозяина дома нѣтъ, а оди нѣ только женщины, и что хозяйникъ отъѣзжая въ Араинбаумъ, проситъ меня, чтобы я его дома присмотрю не оставилъ. Офицеры, послушавъ моего увѣщанія и думая, что въ семь домъ я интересованъ, что вступаюсь защищать женщинъ, отошли отъ квартиры амазонкиной. Поутру хозяйка съ амазонкой, увидя меня подъ оконшкомъ въ моей квартирѣ сидящаго, растворили свои окончины и обѣ благодарили меня за плодотворное мое защищеніе, что я ихъ вывелъ изъ большого страха, въ которомъ онѣ находились отъ своихъ соебѣй-офицеровъ; потомъ просили меня съ учтивостию, чтобы я пришелъ къ нимъ пить кофей. Я ихъ просьбы не преслушалъ, а по приходѣ моемъ не могъ узнать, кто ко мнѣ болѣе учтивства и благодарности оказывалъ, хозяйка или амазонка: онѣ обѣ, одна передъ другою сибивили изъяснять мнѣ свою ласку. Я сею занятою на тотъ день былъ доволенъ, что познакомился съ амазонкою, которая съ перваго моего взгляда сдѣлала не малое о себѣ вниманіе:—она была природная Нѣмка, пріятнаго лица, лѣтъ двадцати отъ роду, бѣла, волосы свѣтлорусые, глаза большіе, разумна, остра, учтива, веселаго нрава, а ласковость на лицѣ ея казалъ написана была: словомъ заключить, всякому можетъ понравиться, кому случай подастъ ее видѣть. Я опишу ея характеръ и житье нѣсколько позвѣстие ниже сего, а теперь продолжать буду мое съ нею знакомство. Ея переправная ласковость ко мнѣ принудила меня часто у нея на квартирѣ бывать: между тѣмъ и прочіе офицеры не теряли времени искать у амазонки своего знакоства. Наконецъ, начали мы съ амазонкой сообщать свои мысли письменно, а послѣ перваго письменнаго увѣренія былъ у насъ, въ пріятельскомъ домѣ, очевидный переговоръ о наступающемъ мирѣ. Въ ономъ разговорѣ амазонка проецировала мнѣ, что сватается за нее женихъ, офицеръ молодой, хорошаго состоянія и притомъ наследникъ великому богатству, одному купцу въ Германіи, который еще не умеръ. Я, узнавъ ея намереніе, которое состояло въ томъ, не общаюсь я ей себя рекомендовать женихомъ, съ сожалѣніемъ сказалъ ей, что

благополучію ея не противлюсь, только счастію жениха моего завидую, котораго мнѣ никакъ получить не можно. Она поняла тотъ моментъ изъ моего отвѣта, что я ей не женихъ, перемѣнила свою рѣчь и сказала поумѣхнувшись, что она уже привыкла терпѣливо сносить отъ такихъ жениховъ сватовство, за которыхъ она замужъ идти совѣсть не помыляетъ. По семь нашемъ свиданіи переѣхала амазонка въ кофрѣ на другую квартиру, мнѣ знакомую; оставалось ей выдумать, какъ бы отъѣхать отъ себя Воейкова, который къ ней заживалъ кофей пить, чтобы онъ не посѣщалъ уже ее квартиру никогда. На такуюю комедію была у ней въ резервѣ называемые братья, съ которыми она должна играть свою роль. Въ одинъ день уговорилась она съ однимъ своимъ братомъ, дабы онъ легъ на ея постелью, а сама амазонка спряталась въ другую комнату; когда Воейковъ пришелъ по обыкновенію своему, къ ней въ спальню пить кофей, напившись дома шеколаду, тогда съ постели всталъ амазонкинъ мнимый братъ, мужикъ прехорошій въ шингѣ, спрашиваетъ у Воейкова, кого ему надобно въ семь домѣ; говорить, что квартира оная сестры его родной, такъ онъ хочетъ знать, не должна ли моя сестра его чѣмъ нибудь: онъ берется за свою сестру въ всехъ должниковъ удовлетворять. Воейковъ, видя, что эта комедія для него только была изготовлена, пошелъ домой и пересталъ ходить къ амазонкѣ въ квартиру. Амазонка торжествовала о своей выдумкѣ съ братьями своими троими, изъ которыхъ одному, оказавшемуся неспособнымъ въ ея нуждахъ помогать и за неосторожность, отказала отъ своего знакоства и выключила изъ братьевъ; послѣдніе два ея брата великое мнѣ затрудненіе дѣлали, пока я также не присовѣтовалъ ей исключить ихъ изъ братства. Она сама мнѣ признавалась, что никакъ ей не можно быть и обойтись безъ помочи таковыхъ братьевъ, а наче въ перемиръ ея мѣста; однако наконецъ по моему жаланію исполнилось, и послѣдніе два ея брата получили отъ нея полный абшпигъ. Знакомство наше продолжалось съ амазонкою болше года. Иногда она не могла терпѣть постоянныхъ компаній и не старалась оныя находить; женщины ей всегда были въ компаніи скучныя, она не находила съ ними что говорить; напротивъ того, какъ бы великое собраніе изъ однихъ мужчинъ ни было, амазонка болше себя находила утѣшеніе и удо-

вольствие съ однимъ шутить, съ другимъ смѣется, много ругаетъ, съ инымъ плещи поестъ, и въ такомъ случаѣ увидишь ее подобно пьной вимфѣ Бахусовой: такъ ей мужское собораніе было пріятно. Она очень хорошо разумѣла, что принадлежить до кухни и съ хорошимъ вкусомъ готовила кушати; поему дознаться можно, что она была прежде гдѣ-нибудь не въ худомъ, а въ хорошемъ трактирѣ, въ которомъ и кухарки ласково принимаютъ отъ гостей, отъ которыхъ чаятельно она привыкла къ такимъ рѣзвымъ поступкамъ. Се во удивленіе ставить не должно, что изъ хорошихъ кухарки превратилась въ прекрасную амазонку. Не любила она никакого напика, отъ коего можетъ послѣдовать шпанство, кромѣ кофею, который даже со излишествомъ употребляла. Я видать ся въ публичныхъ маскарадахъ проворство, какъ она умѣла находить своихъ и узнавать знакомыхъ, хотябъ и въ маскахъ были; не была она лакома къ интересу, кромѣ нужнаго для нея къ нарядамъ, на которые она не сумѣвала получить всегда. Наконецъ, просила она у меня позволенія на перемѣну своего мѣста, по своему обыкновенію, съ такимъ изъясненіемъ, что покуда она еще молода, то надѣжить ей стараться искать своего счастья дагдѣ; въ семь я ей отказать не могъ. Она перемѣнила свою квартиру, не играя таковой со мною комедіи, какъ надъ Воейковымъ; жила по разнымъ домамъ, по своей рѣзвости, но не въ лучшемъ состояніи. Она своимъ усердіемъ посѣщала монастыри, приняла Греческаго исповѣданія вѣру; воспріемникъ былъ графъ, бывший канцлеръ, Воронцовъ, и мать крестная Елена Александровна Парышкина. Наконецъ, живши у своихъ прежнихъ знакомцевъ, она съ помощію ихъ вышла замужъ за офицера Старичина, съ которымъ не долго жила и овдовѣла; а въ 772 году, престарѣвъ лѣтами, неспособна была рѣзвиться и въ бѣдности находилась въ Москвѣ, имѣя у дядьки убогую квартиру, окончала свою амазонскую жизнь.

Въ 1756 Апрѣля 30 числа ударилъ одинъ разъ сильный громъ, и отъ молніи загорѣлся въ Петербургѣ, Петра и Павла у соборной церкви надъ колодезною шпигль, который отъ земли состроенъ былъ до половныя каменный, а верхъ деревянный, на подобіе нынѣ стоящей Адмиралтейской островерховой башни. Строена была та колокольня при

Петрѣ Первомъ, шпигль раззолоченъ былъ притиримымъ золотомъ по мѣднымъ листамъ, въ солнечный день великій отъ себя блескъ испускалъ. Въ великому всѣхъ зрителей сожалѣнію, не могли загасить сего прекраснаго зданія, по причинѣ, что въ самомъ верху того шпигля загла молнія, куда человѣку добтись никакъ было не можно: сторѣль и своимъ паденіемъ великій сдѣлалъ по всему городу звукъ и потрясеніе.

Въ исходѣ работъ 756 года заготовляли мы къ 757 году фейверокъ въ лабораторіи, въ коей была планша большая свѣтлица квадратомъ, мѣрою одинъ бокъ состоялъ изъ 30 аршинъ. Парода великое было въ ней множество, всякаго сорта мастеровые, иные обивали планъ, другіе набивали фонтаны, привязывали приводы; тутже отъ бомбардирской роты Преображенскаго полка нѣсколько человѣкъ для обученія работали, столари, токари, слесари, по угламъ въ оной же свѣтлицѣ были помѣщены, а все при огнѣ работали. Я говорилъ Мартынову, чтобъ въ такомъ случаѣ употребить осторожность, указывая, что всѣ люди безъ малой опасности вездѣ съ огнемъ бродятъ. Мартыновъ на мое предложеніе отвѣчалъ мнѣ шути, что я очень акуратенъ до излишества. Какъ только я изъ свѣтлицы вышелъ, то сдѣлался въ ней отъ неосторожности пожаръ захватилъ всю оную огромную свѣтлицу пламенемъ, пороховымъ и меркуріальнымъ дымомъ, отъ чего въ людяхъ сдѣлалось вдругъ великое замѣшательство; всякой, въ робости и отчаяніи зажавши ротъ, спасался опротивнымъ бѣгствомъ въ одні только двери, одинъ другого давили, всякъ старался скорѣе выскочить; онымъ дымомъ у многихъ захватило и остановило дыханіе, не могли болѣе бѣжать и попадали на землю безъ памяти. Въ таковой кутерьбѣ и тревогѣ Мартынова и прочихъ подмяли подъ себя на полъ, которыхъ бѣжавшіе и спасавшіе свою жизнь топтали ногами, по чемъ ни попало. Вбѣжали потомъ въ оный дымъ свѣжіе и небывалые еще въ дымъ люди, насилу оныхъ обезсилѣвшихъ и почти безъ дыханія лежащихъ вытащали на воздухъ, а прочіе нѣсколько человѣкъ мастеровыхъ задохнулись и найдены мертвые. На оную тревогу вскорѣ великое число людей набѣжало, тотъ пожаръ загасили и не дали сторѣть свѣтлицѣ; заготовленный же и разостланный на полу планъ нѣкоторою частью советѣмъ сторѣтъ,

ное попорченное осталось, а времени осталось только три дня до Нового года, в который день должно было зечь фейверок. Я остался только один неконченный в дыму, Мартыновъ сдѣлался боленъ, по причинѣ той, что нѣсколько времени находился в дыму, который состоятъ изъ сѣры, селитры и мышьяку; онаго дыма наглоталъ онъ въ себя, отчего и поднесъ не прийти въ прежнее своего здоровья состояніе. Стоило мнѣ великаго труда все испорченное поправить и изготовить къ сеченію фейверка исправнымъ. Наконецъ къ срочному числу, Новому году, исправилъ я, роискалъ офицеровъ и людей, кому то зечь, и которую вещь послѣ другой зажигать, и развелъ, гдѣ кому быть по мѣстамъ, самъ дожидался приказанія: сигналъ получилъ изъ Дворца, чтобъ зажигать фейверокъ. Напередъ всего должно было зажечь сдѣланный кругомъ всего фейверка изъ шлаговъ бѣлый огонь (называемый Марсогъ), подобіе бѣлаго оружейнаго огня. Я, взявъ свѣчку пальничную, зажечь оной огонь и не успѣвъ отнять руки со свѣчкою, какъ въ тотъ же моментъ одинъ шлагъ оторвался отъ доски, къ которой онъ былъ привязанъ, ударилъ меня сильно въ лѣвую бровь и въ високъ, отчего я упалъ на землю безъ памяти; а какъ скоро я опаматовался, то високъ мой былъ уже въ крови, а глазъ затянуло весь опухолью и сравнился со лбомъ ровно. Я, призвавъ лабораторнаго сержанта Глазунова, сказалъ ему, чтобъ онъ смотрѣлъ, дабы данная отъ меня диспозиція была исполнена, а я смотрѣть за болѣзнію не въ силахъ: чрезъ великую мочь сидѣлъ, покада сожгли фейверокъ. Случился на тотъ часъ отъ меня недалеко полицейскій лекарь, который перевязалъ мнѣ съ тельнымъ виномъ рану, отъ которой я чрезъ мѣсяцъ глазомъ едва могъ проглянуть и радъ былъ тогда, что обрѣлъ его въ цѣлости.

Тогожь 757 года, въ Апрѣль мѣсяцѣ, сдѣбалось въ лабораторіи не менѣе презваго приключеніе. Въ самое то время, когда была война съ Пруссією, къ таковому случаю въ лабораторной кухнѣ великое было приготовленіе всякихъ военныхъ сварядовъ; одна свѣтлана длинная, въ которой прежде, къ прошедшему фейверку, набивали ракеты, именовалась «набийна»; отъ сей работы ракетнаго и прочаго состава немалое количество въ ней на столахъ и на полу оставалось. Выметая свѣтлану, остатки ракетнаго состава

не вынесли вонъ, а выпали отъ лѣности въ подполье, никто не могъ усмотрѣть сего бездѣльства, и стали послѣ работать. Демидовъ подполковникъ дѣлалъ, подъ своимъ смотрѣніемъ, зажигательные книшени за особливимъ столомъ, а подъ моимъ смотрѣніемъ гранатныя и бомбовыя трубки набивали; въ сѣняхъ были принесены для переправки старыя зажигательныя карказы; при всей оной работѣ нигдѣ огня не было, водою свѣтлана улита была, и чаны палитые стояли, дабы въ случаѣ нечаяннаго отпрыска огня бросить загорѣвшую вещь въ воду. Я былъ при сей работѣ неуголенъ. Полюковичъ Бороздинъ возмнилъ идти въ тотъ день пѣшкомъ на Выборгскую сторону, для нѣкоторыхъ пробъ изъ пушекъ, почему зашелъ за мною въ лабораторію, чтобъ я съ нимъ шель вмѣстѣ; а какъ мы къ Невѣ рѣкѣ приближаться начали, дабы съѣсть на суда и перѣхатъ на Выборгскую сторону, тогда услышали необычайную за собою палъбу и колокольный въ лабораторіи набатъ. Мы съ Бороздинымъ поспѣшно возвратились и увидѣли въ лабораторіи страшный пожаръ, черный дымъ и громъ непрерывный продолжался. Онъ опрашиваетъ меня, отъ чего бы такая была палъба? Я сказалъ, что у насъ болѣе ничего нѣтъ, какъ старыя въ сѣняхъ карказы съчетомъ 20 или 30, а въ каждомъ карказѣ по шестифунтовой нараженной гранатѣ есть, то думаю, что отъ нихъ такіе выстрѣлы слышны. Однако нанослѣдкомъ нашлось, что оная палъба происходила не отъ однихъ карказовъ, но были соблюдены въ тѣхъ же сѣняхъ, въ чуланѣ, Сартія Италинца, фейверочныя вещи: оныя, загораясь, дѣлали такой великій звукъ и стрѣльбу. Мы подошли ближе къ пожару, наши вышедшихъ изъ той свѣтланы людей, въ которыхъ загорѣлось и услышали причину, отчего оный несчастный пожаръ приключился. Бомбардиры, которые снаряжали у Демидова книшени за особливимъ столомъ, прикрѣпляя скорострѣльный фитиль, приколачивали сильными ударами, желѣзнымъ молоткомъ по желѣзному набойнику; отъ того произошли искры и зажгли фитиль у книшени въ рукахъ держашаго бомбардира; а какъ по всемъ тогда столамъ множество скорострѣльного фитиля и макоти пороховой желало, то въ одинъ мигъ, какъ молнія, объяло всю свѣтлану пламенемъ, отъ чего люди только тѣ успѣли выскочить, хотя оналены уже были, покада огонь не прошелъ въ подполье; а

как скоро дошел огонь, то загорѣлись въ подполѣ помпунные фейерверочные сметенные остатки, коихъ повидимому тамъ было немало, отчего подняло сильюю подовую доску со столами и скамейками къ потолку, смаяло и перебило вѣхъ. Изъ оныхъ битыхъ и горѣвшихъ сильныхъ людей человѣка съ три хотя вышли изъ сего пламени, но отъ изнеможения чапа, къ великому вѣху зрителей сожалѣнію, на землю и чрезъ малое время жизнь свою прекратили; а оставшіеся человѣкъ съ восемь, будучи сматы и завалены досками, погорѣли все со свѣтлаго вмѣстѣ. Оного пожара хотя сперва и прилагали приключеніе отъ моего небреженія, какъ неострашнаго смотрителя, но живые оставшіеся люди, кои работали у Демидова, оправдали меня отъ сей напраслины; а Бородинна подковника не умышленное ко мнѣ на тогдашній часъ благодѣяніе оставило меня на свѣтъ жива и спасло отъ сей Хадзейской печи. Правду сказать, что весьма нужно было въ лабораторію быть хорошему и доброму порядку, великому смотрѣнію, котораго въ тогдашнее время намъ никакъ сдѣлать было не можно отъ прочихъ, кои намъ не подчинены были: Сартій Итальянецъ, секретные офицеры, Демидовъ подковникъ, Вишевъ капитанъ, у каждаго изъ нихъ особливая работа происходила въ лабораторіи. Капитанъ Вишевъ дѣлалъ разныя инвенціи, желая что-нибудь получить себѣ награжденія отъ Кронштадтскаго гарнизона, въ которомъ онъ служилъ; и таковыхъ было работъ подъ разными званіями премножество, отъ чего по всей лабораторіи происходило, какъ на площади, собраніе разныхъ людей, кромѣ нашей команды, безъ всякой осторожности и порядка.

Нѣдѣли черезъ двѣ послѣ сего приключенія, между прочими, при перехѣтѣ, досталось и мнѣ въ капитана и оберъ-фейерверкера. Въ одинъ день случилось мнѣ быть у офицера Худова. Жена его, называя меня именемъ, спросила, не хочу-ль я жениться? Я на то ей отвѣчалъ, что до сего времени я о женитбѣ никогда не помышлялъ, а мнѣ никакого препятствія къ сему не вижу, для того, что чинъ мой оберъ-фейерверкера въ походъ не ходитъ. Жена Худова представила мнѣ старшую торговку Иванову, которая мнѣ подава записку, въ которой написано: въ разныхъ уѣздахъ состоятъ мужскаго пола за невѣстою 900 душъ и близъ Петербурга небольшая мыза, Я, прочтя оную записку, сказалъ

ей: невѣста твоя, голубушка Ивановна, понравилась мнѣ и заочно, потому что она богата. Съ невѣстной стороны не упущено было обо мнѣ изыскать, о моемъ состояніи свидѣній; потомъ назначенъ былъ день свиданія нашего, смотря по обыкновенію деревни, въ церкви. Я въ тотъ день, снарядясь совѣтъ просто, забылъ о необходимомъ смотрѣ, велѣлъ коляску подать, хотѣлъ ѣхать прямо на работу въ лабораторію; слуга мнѣ сказываетъ: «Не забыли-ль вы, что дали слово смотрѣть вашу невѣсту?». Я вспомнилъ и велѣлъ ѣхать къ той церкви, въ которой назначено было наше свиданіе. Я вошелъ въ церковь, въ которой полковникъ нашъ Бородинъ, отъѣзжая въ походъ, съ женою служилъ молебны; потомъ увидѣлъ я знакомаго человѣка, Измайловскаго полка адъютанта Петра Топильскаго, который Воейкову, моему бывшему капитану, былъ родной племянникъ; онъ прѣхалъ съ моею невѣстою. По немъ я увидѣлъ и мою невѣсту. Угадать было мнѣ ее не трудно: она была по лишенію своего второго мужа Печасва, въ траурѣ, только не въ глубокомъ, а шелковомъ. По прошествіи обѣдни я подошелъ къ Топильскому поздороваться, какъ съ знакомымъ человѣкомъ; невѣста моя подошла къ нему же; мы при семъ свиданіи, поглядя одинъ на другого, выговорили по нѣскольку словъ между собою; оное все происходило съ нѣкимъ родомъ стыдливости, а паще мнѣ, потому что я въ первый разъ на своей жизни смотрѣть невѣсту и товарища, съ которыми опредѣлялъ себя на весь мой вѣкъ жить. Развѣхались мы изъ церкви. Невѣсты моей я тогда (сказываютъ) не показался своимъ приборомъ, что одѣтъ былъ очень не по женихову, а по лабораторному, что и правда.

Когда Топильской ѣхалъ со своей женою и моею невѣстою въ одной каретѣ изъ церкви, дорогою спросилъ у моей невѣсты обо мнѣ, что каковы тебѣ женихъ на глаза показался? Невѣста моя, не зная болѣе за мной никакихъ пороковъ, кромѣ какъ одной видимой ею на смотрѣ въ церкви неопрятности въ нарядѣ, отвѣчала мнѣ, что ей глазамъ я не противенъ показался. Торговка Ивановна не забыла и меня также, послѣ нашего смотра, спросить: что показались ли тебѣ невѣста кормилицъ, которую я тебѣ сватаю, и тыуже ее видѣлъ? Я сказалъ ей: Ивановна, голубка, вѣдь красавицы выбираютъ только въ полюбовницы, а жена должна быть бо-

лбе добродетельна, нежели красавица. Ивановна торговка не забыла также убраться в семь случаев свою должность и доказывать экспериментально, что счастье мое вѣдъ зависит отъ собственныхъ ея трудовъ и прилежности. Я принялъ Ивановну въ свое объятие, тотъ моментъ ухвата ее своими руками за шею, благодаря томо и притворно, не могъ Ивановну пощадить: такъ она уже была близка стару. Невѣста моя съ Тошильскимъ положила между собою условие и назначила время позвать меня къ Тошильскому въ домъ объѣдать. Я прѣхалъ въ положенный мѣдъ день къ Тошильскому въ городской коляскѣ, а не въ каретѣ (которой у меня тогда не было, а чужой взять не хотѣлъ), перемѣня свой лабораторный кафтанъ и причесавъ голову получше, нежели какъ на первомъ смотрѣ было въ церкви. Послѣ обѣденнаго нашего кушанья, по приличнымъ на тогданшій случай съ обѣихъ сторонъ разговорамъ и увѣреніямъ, дали мы слово другъ другу о взаимной вѣрности въ положенномъ намъ намѣреніи до будущаго совершенства бракомъ.

Послѣ сего условія нашего отъѣхалъ я изъ Петербурга въ Аранинбомъ, къ Великому Князю, что былъ послѣ Петръ Третій, для сженія фрейверка и строения малой крѣпости, называемой Петерштадтъ. Пробывъ тамъ болѣе недѣль, возвратился я въ Петербургъ и услышалъ что Тошильской представлялъ уже моей невѣстѣ жениха другого, Михаила Васильевича (именемъ и отчествомъ подобравъ точъ въ точъ) только не Данилова, а Приклонскаго, который былъ тогда при Герольдїи въ должности герольдмейстера; по судьба, доброхотствуя моею определенной участю, невѣста на то, дабы избрать ей вмѣсто меня Приклонскаго, не согласилась, а содержала данное мнѣ слово вѣрно. Я началъ ѣздить къ моей невѣстѣ вскаждъ день, какъ женихъ. Она была въ замужествѣ за первымъ своимъ мужемъ за Каминцовымъ, за вторымъ Нечаснымъ, который былъ двоюродный братъ графа Шувалова, моего фельдехмейстера, въ тогданнее время челоѣтка весьма случайнаго и славаго; по той причинѣ Шуваловой фамиліи офицеры ѣзжали къ моей невѣстѣ и, свѣдавъ, что она помогала за меня замужъ, угрожали ей моимъ несчастіемъ, что-де тотъ, который на васъ женится не найдетъ послѣ мѣста и въ дальнихъ городахъ въ Сибири. Невѣста моя рассказала мнѣ, что слышала предложенія

несчастія и угрозы; я оное пренебрегъ все, помышляя самъ собою, что графъ не архіерей и что спрашивать его о женитбѣ моей совѣтъ лишнее будетъ дѣло; притомъ у невѣсты моей послѣ Нечаева было тогда два сына, одному четвертый годъ, а другому меньше года; потому и Шувазовы старались только, чтобы моя невѣста для своихъ дѣтей замужъ не ходила, дабы имѣние ея собственное не раздробилось отъ ея дѣтей, у которыхъ отцовскаго не было ни одной души. Не помышляли они тогда о ея молодости, что ей отъ роду было только двадцать четвертый годъ.

Какъ съ графской стороны мы не видали никакого себѣ явнаго пренятствія, то съдѣлаи. Сентября 11 числа, обыкновенный стоворъ, на которомъ были у насъ съ невѣстиной стороны отецъ ея крестный камергеръ и кавалеръ Возжинской ¹⁾ съ женою, Тошильскій ²⁾ съ женою, а съ моей стороны мой пріятель Матвѣй Григорьевичъ Мартыновъ съ женою жъ. Послѣ сего стовора просить я свою невѣсту, чтобы квартиру свою перемѣнила, которая была отъ меня близка, а перѣхалабы ко мнѣ поближе, по той причинѣ, что въ лабораторіи тогда работъ очень много было, за которыми мнѣ было должно смотрѣть безотходно, почему и свиданіе наше будетъ намъ безпренятственно. Она перѣхала жить на квартиру, которая отстояла отъ меня очень близко. Наконецъ, согласились мы съ невѣстою, дабы запечатать наше условіе союзомъ, бракомъ, что тогжъ 757 Сентября 26 числа совершилось въ церкви Сергія Чудотворца, что на Лигейной улицѣ, при которой нашей церемоніи никого у насъ постороннихъ не было; кромѣ моего всегдашняго пріятеля Матвѣя Григорьевича съ его женою. На другой день нашего брака я звалъ къ себѣ объѣдать многихъ генераловъ и офицеровъ, которые у насъ объѣдали и ужинали; и мы были уже при томъ случаѣ съ моею женою, какъ хозяйка,

¹⁾ Никита Возжинскій, въ царствованіе Анны, былъ гофъ-интендантомъ. Его письма къ царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ напечатаны въ 1-й книгѣ Архива Князя Воронцова. (П. Бартенева).

²⁾ Прямой предокъ извѣстнаго въ наши дни Михаила Ивановича Тошильскаго, женатъ былъ на дочери извѣстнаго Петровскаго кабинетъ-секретаря Макарова. (П. Бартенева).

а не сидят въ перемонѣ за столомъ, какъ обыкновенно на свадьбахъ бываетъ.

По совершеніи нашего брака жили мы девять мѣсяцевъ благополучно и весело. Потомъ свѣдала графиня Шувалова о замужествѣ жены моей; она вознегодовала за сіе на насъ сильно и удачала своего мужа, графа, что такъ смѣлъ, твоей будучи командой подчиненный, жениться на нашей невѣстѣ безъ позволенія. Графиня неотлучно жила при дворѣ, въ близкой отъ Государыни комнатѣ, и находила всегда случай говорить обо всемъ, что хотѣла; между прочимъ не забыла она и о моей женѣ довести Государынь. Государыня жену мою знать изволила по той причинѣ, что она была воспитана у отца своего крестнаго камергера Возжисскаго; а родной дѣтъ ея Алексѣя Андреевичъ Носовъ былъ при Государынь, когда еще она была цесаревною, оберъ-комисаромъ и правилъ гофмаршальскую должность; по такому случаю Государыня жену мою знала. Графиня докладывала Государынь, что «Носова ввуча, которая была за Нечаевымъ, вышла замужъ», прибавляя къ тому, что вышла да несчастлива, за мота, и что въ такомъ случаѣ жаль только бѣдныхъ дѣтей ея, которые остались отъ Нечаева. Государыня, выслушавъ отъ графини такое доношеніе, изволила ей сказать, что еще вѣдь они деревень не продаютъ, такъ почемужъ дѣти Нечаева несчастливы; а какъ женѣ моей при дворѣ камерж-юферы были знакомы, то онѣ, слыша отъ графини жалобы Государынь, ей пересказали. Графиня не была довольна первымъ своимъ объ насъ представленіемъ, а умоча нѣсколько времени вторично приступила просить Государыню съ сожалѣніемъ о моихъ пасынкахъ, дабы отъ жены моей приказъ изволила взять дѣтей и деревни ея описать, или сдѣлать запрещеніе, чтобы продать ни заложить было не можно. На оную просьбу вторично послѣдовалъ отвѣтъ отъ Государыни ко графинѣ, который можно прямо назвать монаршей или божественный. Государыня, вспомявъ прежде отъ графини представленіе на насъ, изволила сказать своей любимицѣ: «вѣдь они еще не продаютъ деревень; вы примѣчайте за ними, когда станутъ они продавать деревни, тогда скажите мнѣ». Съ того времени графиня болѣе объ насъ Государынь говорить уже не зачинала, а принялась съ дру-

гой стороны сдѣлать намъ безвинное гоненіе чрезъ своего мужа. Графъ и графиня тогда были люди знатные и сильные, отъ коихъ и не въ нашу пору трепетали; ровные имъ сказывались большими и жили въ приморскихъ своихъ домахъ отъ одного ихъ неприятнаго взгляда. Графъ, по неотступной просьбѣ отъ своей графини, открылъ свой гнѣвъ противъ меня лично, изыскивая и находя немалыя, по мнѣнію его, мои несправности, кои хотя и не отъ меня происходили, сталъ выговаривать мнѣ свое неудовольствіе публично, при всѣхъ, съ таковыми угрозами, что я «съ вами то могу сдѣлать, чего и не часто», въ чемъ я никогда не сомнѣвался, зная къ тому его способность и силу, какую онъ и прежде надъ другими оказывалъ. Не принималъ онъ отъ меня ничего въ оправданіе.

Я помышлялъ, что можетъ быть графъ далѣе не вступить въ толь явное мщеніе за мою женитву, которая ему никакого неудовольствія не причинила, ибо часто слыхалъ отъ него въ разговорахъ, какъ онъ, почитаясь тогда вѣдѣрчивымъ и вторымъ Цицерономъ, упоминалъ свое великодушіе и незапоминаніе, что и обольщало меня чаять отъ него прежней ко мнѣ милости, однакожъ оказалось, наконецъ, не такъ. И великой души люди не всегда то дѣлаютъ, что говорить могутъ; еще и болѣе происходитъ отъ нихъ мщенія, нежели какъ отъ малыхъ душъ.

Въ 758 году, въ Май мѣсяцѣ, при росписаніи офицеровъ по полкамъ, приказъ графъ меня переименовать изъ оберъ-фейерверкоровъ въ капитаны: се первая стрѣла была пуцена на меня гоненія. Я просилъ Михаила Александровича Яковлева, который тогда у графа былъ генеральсь-адыютантъ, правилъ канцелярію и былъ прежде въ великой у него силѣ; онъ обещалъ меня написать въ Московскую команду; однако, какъ онъ прилежно ни трудился разными приемами по своему искусству, только не могъ довести того, чтобы графъ обо мнѣ не вспомнилъ и подписалъ подложенное расписаніе по его мнѣ обещанію. Да и Яковлевъ не такъ уже сталъ силенъ. Графъ избралъ себѣ въ любимцы, изъ канцелярскихъ переписчиковъ, подьяческаго сына Макарова, который прежде былъ у Яковлева въ командѣ. Макаровъ своимъ прворствомъ, какъ для письменныхъ дѣлъ способнымъ, такъ и въ другихъ нѣжныхъ услугахъ,

графу понравился: граф пожаловал Макарова своимъ адъютантомъ. Макаровъ, отпросивъ въ Сибирскъ, женился на богатой дворянской дѣвушкѣ Гатьковой, за которой взялъ 700 душъ крестьянъ; нынѣ онъ живетъ въ отставкѣ коллежскимъ совѣтникомъ. Вотъ каково быть у большого человека Меркурьемъ!

Графскій домъ наполненъ былъ тогда весь пшеница, которые списывали разные отъ графъ проекты. Пѣткорые изъ нихъ были къ приумноженію казны государственной, которой на бумагѣ милліоны поставлено было цифромъ; а другіе проекты были для собственнаго его графскаго верхняго доходу, какъ-то сало ворвань, матовый лѣсъ и прочее, которые были на откупъ во всей Архангелогородской губерніи, всего умножило его доходы до 400,000 рублей (кромѣ жалованья) въ годъ. Къ чести графа не доставало только чина командовать своею дивизіею, ибо его дивизія была въ командѣ у главнаго командира надъ арміею въ походъ противъ Пруссіи. Графъ выпросилъ себѣ позволеніе набрать изъ всѣхъ полковъ корпусъ, состоящій изъ 30,000 человекъ, назвалъ оный корпусъ *обсервационнымъ*, укомплектовалъ его новою артиллеріею и поставилъ себя главнымъ шефомъ. Поручилъ онъ въ команду сей корпусъ генералъ-инженеру Брауну, который графа репортовалъ одного, а съ главною арміею не соединился и не подчиненъ былъ до самой Кистринской баталіи; а какое оный корпусъ сдѣлалъ, при той важной тогда баталіи, неустройство и смятеніе и какъ его потомъ растасовали по полкамъ, я здѣсь о томъ упоминаю не намѣренъ и обращаюсь къ тому, что до меня касалось.

Когда Яковлевъ не могъ мнѣ сдѣлать, дабы я былъ по росписанію въ Московскую команду, то тогда въ 758 года, въ Іюль мѣсяцъ, командированъ, я былъ въ Ригу. Получаю ордеръ отъ полковника, я пріѣхалъ прощаться къ графу; онъ приказалъ мнѣ у себя остаться обѣдать. Послѣ обѣда графъ, ходя долгое время взадъ и впередъ по комнатѣ, наконецъ вступилъ ко мнѣ, какъ поврежденный, на шею, и обнявъ меня своими руками, прижималъ крѣпко долгое время. Я считалъ его лобызаніе послѣднимъ себѣ рокомъ, притивился не смѣль, а живу быть не чаялъ, только и помышлялъ, что заданія до смерти; прощаясь я заочно съ

женою своею, что уже не увижусь съ ней. Наконецъ, отнявъ руки отъ объятія моею шею, толкнулъ онъ меня отъ себя прочь, сказавъ притомъ мнѣ: «кашайся всѣмъ генераламъ въ арміи». По такомъ дружескомъ нашемъ прощаніи съ графомъ, мы съ женою, забравъ съ собою дѣтей ея, а моихъ пасынковъ, за которыхъ повидимому мы страдали и гоненіе имѣли отъ графа, отравились въ путь свой, захавъ сперва по пути въ Копорскій уѣздъ, въ свою мызу, въ коей, проживъ одну недѣлю, поѣхали въ Ригу.

Жена моя, не добжавъ 80 верстъ до Риги, родила дочь Прасковью; а какъ въ Ригу пріѣхали и квартиры скоро не сыскали, которая въ такомъ случаѣ весьма необходима родившей женщинѣ для покою, тогда случилась въ Ригѣ бытъ мой прежній пріятель, капитанъ (что нынѣ генералъ-майоръ при артиллеріи) Иванъ Петровичъ Лавровъ; онъ уступилъ намъ свою квартиру, покуда намъ другую сыскали. Но пріѣздъ моемъ въ Ригу услышавъ я, что полковнику Бурцову уже есть повелѣніе, дабы отправить меня немедленно въ армію въ Пруссію. Я былъ тогда боленъ и не могъ такъ скоро ѣхать, почему и пошло строгое надо мной свидѣтельство въ той моей болѣзни, которое вверыхъ докторъ съ лекарами, потомъ вскорѣ второе отъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Графъ, будучи въ томъ недоволенъ, почтивъ мою болѣзнь притворною, приказалъ третью учинить свидѣтельство въ моей болѣзни, и писано было прямо къ Рижскому губернатору, князю Долгорукову, дабы самъ губернаторъ нечаянно, изыскавъ время, со штабъ-офицерами пришелъ въ мою квартиру и осмотрѣлъ показанныя обо мнѣ отъ доктора и отъ штабъ-офицеровъ въ репортѣ болѣзни. Губернаторъ, видя такое повелѣніе, строгое и прилежное надо мною учинилъ свидѣтельство, каковаго никогда ни надъ кѣмъ другимъ не бывало; однако не пошелъ ко мнѣ самъ свидѣствовать, а прислалъ штабъ-офицеровъ однихъ, которые тогда, какъ и прежде, видя мою сущую и непритворную болѣзнь, написали въ репортѣ, что за слабостію къ арміи ѣхать не можетъ. И оное свидѣтельство не послѣднее было мнѣ.

Пріѣхавъ тогда изъ арміи нечаянно артиллеріи генералъ-майоръ Надельферъ; человекъ былъ подлая души, лакомый къ прибутку, пасторскій сынъ родомъ. Надельферъ,

узнавъ о моемъ такомъ частномъ свидѣтельствѣ отъ прочихъ, не оставилъ и онъ, якобы по должности своей, изыскать въ болѣзни моей правду и за сіе возмнилъ поучить себя, какъ докторъ, за вступленіе его ноги въ квартиру, добровольный подарокъ: не хотѣлъ опустить случай блестящій къ его жадному интересу. Онъ такъ въ семь пунктовъ былъ зараженъ, что не стыдился отъ рядовыхъ пушкарей принимать приносы, и безъ того не хотѣлъ ни малѣйшаго удовольствія сдѣлать. Призвалъ онъ доктора къ себѣ, дабы съ нимъ шель меня свидѣтельствовать; докторъ съ презрѣніемъ ему сказалъ, чтобы шель одинъ, а ему доктору уже быть у меня не за чѣмъ, понеже (говорить) я большого свидѣтельствовалъ и о болѣзни его репортъ поднискать правильнѣй. Генераль-майоръ Надельферъ пришелъ ко мнѣ въ квартиру съ полковникомъ Бурдовымъ, безъ доктора; между прочими разговорами обѣдалъ мнѣ самую легкую по болѣзни моей службу и близкою командирку, дабы я ѣхалъ хотя въ Мемель, недалеко отстоящій отъ Риги городъ. Я ему отвѣчалъ, что по выздоровленіи моемъ не отрекусь всюду ѣхать, а теперь не могу.

По такомъ нашемъ свиданіи и разговорѣ съ Надельферомъ, сомнѣвался я, дабы не обогтался онъ своимъ репортъ о моей болѣзни и не поставилъ бы ее совѣмъ посредственною противъ прежде посланныхъ репортъ; однако страхъ мой миновался. Жена его, генеральша Богомила Дашкова, превосходила своего мужа своимъ проворствомъ, ознакомилась съ моею женою. Генеральша не упустила сего полезнаго случая, взялась стараться и старать обо мнѣ у своего мужа, наказывъ прежде, что она слышала отъ него якобы намъ неприятое; а за такіе свои усердные труды и откровенности въ приданое своей племянницѣ (она своихъ дѣтей не имѣла) получила отъ жены моей добровольнаго подарка рублевъ на сто. Надельферъ не устыдился и самъ на свою персону требовать также подарка, подъ видомъ якобы шутки, какъ будто онъ для меня великое одолженіе сдѣлалъ, что написалъ репортъ, въ которомъ пишетъ такъ: «онъ меня осматривалъ и видѣлъ здоровьемъ слабъ и лицомъ худъ». Складъ сего репорта точно изображаетъ его природный разумъ. Я просилъ чрезъ адъютанта его, чтобы онъ худобу лица моего изъ своего репорта выключилъ; по

онъ безъ рѣды того сдѣлать не хотѣлъ, а я болѣе торговаться съ нимъ не пожелалъ и оставилъ такъ. Дочь наша, по пріѣздѣ въ Ригу, позивъ два мѣсяца, скончалась.

Въ Августѣ мѣсяцъ проскакалъ изъ арміи чрезъ Ригу курьеръ; онъ него узнали о несчастной близъ Кастрина бывшей баталіи. Оною армію командовалъ тогда графъ Ферморъ, жена его жила въ Ригѣ. Графиня получила отъ своего мужа о многихъ несчастливыхъ извѣстіяхъ, а чрезъ графиню и всѣ свѣдали, кому надлежало украсить свое несчастіе трауромъ. На сей баталіи графъ Чернышевъ, генераль-поручикъ Иванъ Алексѣевичъ Салтыковъ, Мантейфель, со многими штабъ и оберъ-офицерами, взяты были въ полонъ; изъ артиллерійскихъ мнѣ знакомыхъ убиты были полковникъ Каллистратъ Мусинъ-Пушкинъ, подполковникъ Эленадеръ, подполковникъ Арандъ, майоры Игнатъевъ и Бремъ, и прочіи штабъ и оберъ-офицеры побито много. Къ великому тогда графа Шувалова неудовольствію взяты были, на оной баталіи, его секретныя гоубицы Прусаками въ добычу, у которыхъ въ дуло не смѣли изъ своихъ Россіянь смотрѣть немѣющіе особенной къ ему тайству довѣренности и присяги. Король Прусскій, получа оныя гоубицы, приказалъ въ Берлинѣ, своемъ столицномъ городѣ, поставить на площади и открыть у нихъ секретныя дула для волянаго смотрѣнія всѣхъ зрителей.

Послѣ свидѣтельства Надельферова, посланнаго о моей болѣзни, въ Ригѣ ничего со мною на нѣкоторое время не происходило; однако изъ главы моей никогда того не выходило, съ кѣмъ я имѣю дѣло: съ тѣмъ, который опредѣлять мнѣ смерть и досаждать еще на меня жестоко, помышляя, якобы я въ поруганіе его гордаго опредѣленія живу на свѣтѣ и еще увертываюсь отъ его сильныя руки такъ долго. Въ такомъ волненіи оскорбленныхъ моихъ мыслей не могъ я предвидѣть будущаго, что со мною графъ сдѣлать можетъ: отъ сего впасть и въ великую задумчивость; наконецъ, посѣтила меня безразсудная гнохондрія. Въ такое, безпокойное для меня, время не получалъ я долго отъ своего пріятели Мартынова шлемъ, что побудило меня къ нему наконецъ написать тако:

«Государь мой!»

«Вкоренившее во мнѣ мнѣіе о всегдашней ко мнѣ

вашей благосклонности побудило меня возобновить еще мою благодарность, коя отъ меня никогда не отходила. Признаюсь, что презрѣніе ваще ко мнѣ нынѣшнее не безъ основанія есть, въ разсужденіи моихъ иногда поступковъ, въ коихъ я спасеніе себѣ мнилъ; да неужто и того для васть еще мало наказанія, что меня гонять, и еще больше, что безвинно? Не ужто и ващъ золотникъ мненія положится съ прочими къ перевѣсу на позорное погруженіе моихъ напастей, которыхъ я высотою доли толкаю зла отъ изнеможения моего понести не могу? Представьте себѣ челоуѣка, который сухъ и худъ, непрестанно ходя взадъ и впередъ по горницѣ, когда сможетъ, въ задумчивости и мысляхъ, съ готовыми глазами къ пролѣтѣ слезъ, отъ воображенія, яковы и горы высокія валятся на погубленіе его, часто иногда руки протыгають во упорность, на отвращеніе оныхъ; и если оное вообразаете, то найдете точно, что я-то оными забавами пользуюсь перѣдо. Вотъ мое состояніе въ коемъ нахожусь. Какъ некогда обдѣившій старикъ обдѣивалъ своего благодѣтеля, Александра Великаго, уладоуляя его прѣкнія къ нему доброхотства горящей масляной лампадѣ, въ которую онъ не желалъ для освѣщенія его бѣдности наполнять масла, наконецъ вдругъ отъ презрѣнія, не хотя вить уже и каша, гасиль лампаду совѣмъ, угасиль прѣкнія свои старуку доброхотства, оставилъ его въ темнотѣ и мрачномъ погруженія презрѣніи: и я, ежелибъ зналъ вашу свободу, то столько взялъ бы смѣлости вамъ напоминуть, что и въ свабѣвая иногда меня избыточно своими строками, не жалкъ чернилъ, нынѣ же и каша вамъ для меня дорога стала».

На сіе письмо прятель мой Мартыновъ возобновилъ ко мнѣ писать по прежнему. Я льстя себя иногда, что можетъ быть приду въ прежнее отъ болѣзни моей здравье и продолжать службу, къ которой имѣлъ великую склонность, мнилъ себя быть способна для получения чести, а паче при артиллеріи, повеже въ знаніи артиллерійской науки я не имѣлъ недостатка; однако перемогло мой мысли, чего я не могъ уже болѣе льстить себя надеждою отъ жаркаго на меня графскаго гоненія. Наконецъ, принявъ я мѣры, съ великимъ сожалѣніемъ, просить въ отставку, хотя мнѣ весьма не хотѣлось. Я писалъ къ Ивану Федоровичу Глѣбову, который тог-

да былъ въ Петербургѣ, и къ Михайлѣ Александровичу Яковлеву; а каково я письмо къ генералу Глѣбову послалъ и что мнѣ оное послужило въ пользу, то соблаговъ я того письма копію, которую при семъ сообщаю.

«Милосердый государь!»

«Оказанія милости вашего высокопревосходительства были мнѣ непосредственно фундаментомъ всего благополучія моего, коимъ я по нынѣ счастьемъ имѣю пользоваться. Сіе самое причиной дерзновенія моего, что я взялъ смѣлость съ преданностью моею утверждать ваще высокопревосходительство, милосердаго государя. Къ немалому моему несчастію, слабость моего здоровья лишила меня надежды болѣе продолжать службу, о чемъ не могу я вашему высокопревосходительству безъ слезъ донести. Нынѣжъ, находясь въ такой крайности, не имѣя никакой надежды, кромѣ вашого высокопревосходительства, за основаніе почелъ прибѣгнуть къ извѣстной всѣмъ милости вашого высокопревосходительства: соотрите со мной милость, милосердый государь, чтобъ представительствомъ вашого высокопревосходительства уволень я былъ отъ полевой и гарнизонной службы и вепорочную мою жизнь на своемъ пропитаніи окончить могъ».

Яковлеву писалъ я, чтобъ онъ, хотя сверхъ моего желанія, руководствовалъ бы мнѣ быть въ отставкѣ, въ которой мнилъ я себѣ найтить послѣднее убѣжище отъ графскаго гоненія. Генералъ Глѣбовъ, увидясь съ Яковлевымъ, посоветовалъ о моей крайности и положилъ помогать мнѣ всѣми силами, дабы какъ можно избавить меня изъ когтей сильнаго руки и доставить мнѣ отставку. Генералъ Глѣбовъ приказалъ эскудтору Бороздину, чтобъ я прислалъ челобитную не чрезъ армейскихъ генераловъ, у коихъ я тогда находился по списку въ командѣ, но прямо въ Петербургъ къ нему Глѣбову. Я, получивъ отъ Бороздина эскудтора писемъ о присылкѣ челобитной къ отставкѣ меня отъ службы, послалъ оную челобитную, въ которой прошалъ свою службу, при фейверкѣ полученныя въ голову удары и раны, и настоящую тогда свою болѣзнь и слабость, въ которой я находился. На мою челобитную прислано къ генералу Наделѣферу повелѣніе, чтобъ меня отправить съ пашпортомъ въ Пе-

тербург для отставки. И начал собираться из Риги къ моему отъезду, а между тѣмъ всѣ артиллерійскіе офицеры, коихъ тогда въ Ригѣ было довольно, хаживали ко мнѣ каждый день въ квартиру для препровождения времени. Въ одинъ день пришли ко мнѣ офицеры и сказываютъ, что они были вмѣстѣ съ докторомъ и свидѣтельствовали офицера, оказавшагося въ безумствѣ, и что тотъ докторъ притомъ сказалъ всѣмъ вслухъ, что оной болѣзни, притворная-ль или настоящая поврежденіе ума есть, дозвать по медицинѣ никакъ не можно. Одинъ изъ офицеровъ¹⁾ сказалъ мнѣ легонько смѣлючись: «посмотри, братецъ, что я сдѣлаю и какую шутку изъ сего устрою, ты скоро услышишь.» И дознался, что онъ притворится намѣренъ сумасшедшимъ, въ чемъ и не обманулся: онъ чрезъ нѣсколько дней произвелъ свое намѣреніе въ дѣйство. Въ половинѣ ночи, въ которое время люди всегда принимаются за сонъ крѣпкій, онъ въ одной рубахѣ, босыми ногами, безъ чеповѣка, чрезъ немалую дистанцію или разстояние по улицѣ, въ зимнее время, прибѣжалъ къ поручику Василью Сабанееву на квартиру, сказывая ему смутнымъ и дрожащимъ голосомъ, якобы чеповѣкъ его (называя того слугу именемъ) прибѣжалъ сейчасъ къ нему съ дороги, отъ жены его, и сказать ему, что жену его (называя ее именемъ) везутъ къ нему въ гробъ мертвою;—онъ чеповѣка истинно предъ тѣмъ послать за женою, о томъ всѣ офицеры уже знали, и она потомъ вскорѣ къ нему въ Ригу и прибѣжала. Офицеръ предъ Сабанеевымъ такъ умѣлъ притвориться сумасшедшимъ, что Сабанеевъ въ истину повѣрилъ, оробѣлъ и пришелъ въ смущеніе, не зная что съ сумасшедшимъ дѣлать, началъ молитвы говорить и его крестить; накопецъ, Сабанеевъ послать слугу своего и созвалъ другихъ офицеровъ къ себѣ на совѣтъ, а какъ они собрались, то съ помощію ихъ едва отвели они больного въ его квартиру. Послѣ сего предстваленія, чтобы всѣхъ въ томъ увѣрить, что онъ не притворился, казался больнымъ и не выходилъ изъ квартиры нѣсколько дней. И зная его

притворною болѣзнь и шутку, по весьма досадывалъ, что на то время, какъ онъ не выходилъ изъ своей квартиры, компанія наша веселая умоляла: онъ былъ веселого духа и умѣлъ шутить очень кстати, потому всѣ офицеры были отъ него неотлучны. Онъ, будучи прежде сего ундеръ-офицеромъ, въ Ригѣ, посаженъ былъ за нѣкоторый проступокъ въ полковую канцелярію подъ караулъ; она канцелярія отведена была у мѣщанина и состояла съ хозяиномъ только чрезъ однѣ сѣни. На то время, какъ онъ былъ подъ карауломъ, умерла у хозяина престарѣлая женщина, которую по обряду положивъ въ гробъ вынесли на ночь въ сѣни; морозы были тогда жестокиа, отчего упокойница получила въ тѣлѣ окаменѣніе. Онъ еще съ вечера, примѣтя старуху въ гробѣ, захотѣлъ изъ оной упокойницы сдѣлать шутку. Въ полковой канцелярії почевали многіе ундеръ-офицеры караульные, а можетъ быть также подъ карауломъ какъ и онъ, писари и пушкари; по многимъ съ вечера шуткамъ легли они спать спокойно. Онъ, вставъ передъ свѣтомъ съ постели, пошелъ на дворъ въ темнотѣ, вынулъ старуху изъ гроба, притащилъ ее въ полковую канцелярію и, поставивъ стойма возлѣ печи, самъ легъ на свою постель спать. Время пришло вставать, караульный ундеръ-офицеръ приказалъ истопнику огонь вырубать; истопникъ, сыскавъ трутъ, кремь и огниву, началъ первыа искры и освѣщали комнату, то онами искрами съ перваго блеска показалось всѣмъ въ глазахъ нѣчто возлѣ печи стоящее блое. Истопникъ, примѣчая болѣе всѣхъ такое явленіе, пріумоужилъ своей скорости выскать искры, отъ которыхъ усмотрѣлъ безъ ошибки, что стоитъ возлѣ печи упокойница—старушка; истопникъ первый пришелъ въ робость, бросилъ огниву и кремь на полъ, кинулся безъ памяти бѣжать изъ канцеляріа, а отъ скорости, не могли миновать въ потѣмахъ, зацѣпиль за старуху окостенѣлую отъ мороза, которая, упавши на полъ, сдѣлала большой стукъ. Зрителіа, лежавшіе на постеляхъ, содрогнувшись всѣ отъ сего явленія, закричали во весь голосъ: «ая, ая,» и побѣжали изъ канцеляріа въ однѣхъ рубахахъ и босыми ногами на улицу; потуда претерпѣвали они страхъ и стужу, повуда хозяинъ взялъ свою бѣдную старуху и положилъ по прежнему въ ее

1) Я утаю сего офицера имя, а буду называть его онъ, для того что въ молодости было сдѣлано въ шуткахъ, того подъ старость слышать истинно.

вѣчный домъ. При всемъ томъ онъ также боялся и бѣгалъ, какъ и прочіе товарищи его, любяще сдѣланною шуткою.

И, получивъ отъ Наделъфера пашпортъ и распроставъ со всѣми пріятелями въ Ригѣ, 1759 г. въ половинѣ Генваря, отправился въ Петербургъ. Въ самое то время была великая оттепель и грязь, такъ что мы до самой своей мызы, которая отъ Петербурга въ 60 верстахъ отстояла, ѣхали на колесахъ. Пріѣхавъ тогда ко мнѣ мой пріятель, экзекуторъ Бороздинъ, съ которымъ мы, проживъ недѣлю, отправились въ Петербургъ. Я явился съ пашпортномъ у генерала Гѣбова, отъ Гѣбова былъ нарядъ еще меня свидѣтельствовать одному доктору, двумъ штабъ-лекарямъ и одному лекарю. Докторъ Бехерахъ, который прежде меня лечивалъ, и былъ мнѣ хорошии пріятель, увѣрилъ меня, что моя болѣзнь не опасна и что это не захотка, а происходитъ отъ дѣйствія генерала; они всѣ подписали мнѣ аттестатъ въ моей болѣзни въ сходство Рижскаго доктора.

Графъ повидимому не довѣрялъ и сему осмотру въ моей болѣзни и принявъ намѣреніе еще меня самъ свидѣтельствовать; но Яковлевъ представилъ ему невозможность такуюю, что когда по одному офицеру свидѣтельствовать будетъ, то ему трудно произойдетъ отъ того затрудненіе, а дожидаться покуда соберутся десять человекъ для смотра будутъ порокии мѣста въ полкахъ; а нужда обстоитъ нынѣ въ офицерахъ великая. Такими представленіями Яковлевъ освободилъ меня отъ графскаго смотра, въ чемъ я никакого сомнѣнія не имѣлъ: можетъ быть и графъ, увидя мою неспривторную слабость, увѣрился бы въ подлинности моей болѣзни.

Потомъ представили меня въ Военную Коллегію, а въ представленіяхъ графскихъ писали тогда въ Коллегію два слова: «на разсмотрѣніе» и «въ разсмотрѣніе». Когда офицера посылали въ Коллегію на разсмотрѣніе, тогда Коллегія отавляла его въ отставку безъ препятствія; а когда напишутъ объ немъ въ разсмотрѣніе, тогда Коллегія назадъ служить возвращала или безъ награжденія чина отъ службы увольняла. Съ такимъ послѣднимъ оракуломъ я былъ въ Коллегію представленъ къ отставкѣ. Какъ я на смотръ явился, и Коллегія усмотрѣла во мнѣ неспривторную болѣзнь, то отавляла меня тѣмъ же чиномъ, капитаномъ. Хотя намъ генералъ Гѣбовъ, который тогда въ Коллегіи жъ Военной

присутствовалъ, и много противурѣчилъ, предлагая обо мнѣ, что я уже заслужилъ указанный срокъ въ одномъ чинѣ, и при отставкѣ надлежитъ безъ всякаго сомнѣнія наградить меня чиномъ; но того не сдѣлали или не смѣли графскаго сигнала «въ разсмотрѣніе» нарушить.

И, получивъ отъ Военной Коллегіи указъ о моей отставкѣ, того жъ 759 года въ Май мѣсяцѣ, изъ Петербурга отправился съ женою и пасынками моими въ Москву, благодаря Бога, что спасся невидимою рукою отъ угрожаемаго мнѣ бѣдствія. Въ томъ же году отбѣзжали изъ Москвы зять мой Самойловъ, съ моею сестрою и съ дѣтми, въ Сибирскъ, гдѣ онъ опредѣленъ былъ валдмейстеромъ. Мы съ женою моею согласились проводить его до Ростова, тамъ простаясь съ зитемъ и помолясь святителю Дмитрію Ростовскому о ходательствѣ его о насъ къ Богу и приложась его святымъ мощамъ, возвратились въ Москву.

Того жъ лѣта, въ Августъ мѣсяцѣ, поѣхали мы въ Зарайскую свою деревню, въ которой познакомились съ тамошними сосѣдями; зачали мы забывать въ Ригѣ бывшее въ болѣзни моей частое свидѣтельство, а здоровье мое часть отъ часу стало приходитъ въ лучшее состояніе.

Въ 761 году поѣхали мы въ Кромскую свою деревню, которая отъ Москвы отстоитъ 450 верстѣ. Сынъ у меня былъ Дмитрій, коему тогда было отъ роду одинъ годъ и шесть мѣяцевъ, занемогъ ѣхавши въ дорогѣ повосомъ и къ великой моей горести скончался, оставя по себѣ неопишаную печаль и слезы. Мы еще не оплакали кончины сына своего, когда усугубило нашу печаль еще болѣе: меньшей пасынокъ мой, Алексѣй, по пятому году, скончался отъ воспы, которая такъ зла была, что престарѣлые отъ роду лѣтъ въ 60 онаго лезали.

Судбина оставшигася отъ серпа воспы моего пасынка. Ему было имя Николай, а при моей женитбѣ отъ роду только три года; я его принялъ воспитывать на свои руки не для тщеславленія, но по собственному моему произволѣнію и по жалости, что онъ къ своему воспитанію не имѣлъ попечителя, роднаго своего отца. Началь его при себѣ грамотѣ учить не такъ, какъ меня училъ пономарь Филиппъ Брудастой, который только мучилъ однимъ всегдашнимъ прилежнѣмъ сиднвремъ, а не учениемъ; я училъ своего пасынка,

не доводя его никогда до малѣйшей скуки въ ученіи, пускалъ его часто гулять и приучалъ самого по своей волѣ садиться за ученіе, безъ всякаго позыва и принужденія. Когда онъ пришелъ возрастомъ за десять лѣтъ, тогда обучилъ я его ариметикѣ и рисованію, къ чему онъ великую имѣлъ охоту и понятіе; отдавали мы его потомъ въ пансіонъ и университетъ обучаться Французскому языку, математикѣ и прочимъ наукамъ, вездѣ онъ прилежно обучался и съ великой похвалою ото всѣхъ учителей; особливо ко мнѣ имѣлъ онъ любовь, почтеніе и ласку, болѣе нежели къ его родной матери, которая его безпримѣрно любила. Когда ему отъ роду было 15 лѣтъ, онъ тогда былъ въ артиллеріи сержантомъ, къ службѣ онъ былъ превеликій охотникъ и по своимъ лѣтамъ казался неуспѣшнымъ; онъ игралъ очень хорошо на скрипкѣ, былъ нравомъ тихъ и молчаливъ, по-французски хотя знать говорить и переводить на Русское, только не имѣлъ склонности разговаривать на ономъ языкѣ. Съ возрастомъ и наше угѣшеніе умножалось всечасно, мы не могли на его поступки глядя надобоваться; а паче мать, которая хотя отъ него и не видала большой ласки (въроятно мамки молодой ему въ уши наештали, что еслибъ матушка тебя любила, не пошлабъ для тебя замужъ), однакожъ безпримѣрно его любила и не могла на него наглядѣться. Къ большому нашему порадованію, а паче матери, пожаловали его въ 770 году штыкъ-винкеромъ и въ томъ же году, въ Маѣ мѣсяцѣ, командировали въ Кіевъ, гдѣ онъ, по своему знанію и прилежнѣму труду, былъ и признанъ за исправнаго офицера и употребленъ отъ генералъ-маіора Ливена ко всѣмъ нужнымъ исправленіямъ. Въ тожъ самое время городъ Бендеры содержался въ атакѣ отъ второй нашей арміи, въ которую отбѣжалъ майоръ Сабанеевъ; паснынокъ мой отпросился у генерала Ливена ѣхать съ Сабанеевымъ охотою и прибылъ за десять дней. При взятіи Бендеръ на штурмѣ, хотя онъ и не былъ, только былъ въ великой опасности: когда онъ шелъ изъ лагеря въ шанцы репортовать, будучи между крѣпости и лагеря на самой серединѣ, тогда выпущена была изъ города немалая партія конныхъ Турокъ, которые стремились въ лагерь, въ таковомъ намѣреніи, что войско Всероссийское удерживается въ атакѣ крѣпости, а при лагерѣ былъ оставленъ конвой не въ большомъ числѣ;

Турки хотѣли своимъ нападеніемъ взять лагерь, однако того имъ сдѣлать не удалось, сіе усмотря атакующіе отрядили на воспрепятствіе ихъ пристойную команду, которая Турокъ къ лагерю не допустила. Паснынокъ мой, вида печальное Турокъ къ нему приближающихся, отчаялся спасти свою жизнь, отъ робости не зная что дѣлать; на ту пору везеть погонщикъ раненаго отъ крѣпости солдата; слуга паснынокъ (который съ нимъ былъ) столкнулъ погонщика и солдата съ тѣлѣн, посади паснынка на подводу, увезъ его отъ непредѣльнаго ему рока, а погонщикъ съ солдатомъ въ ихъ виду были отъ Турокъ изрублены: такъ мой паснынокъ на тогдѣшній часъ спасъ свою жизнь смертію другихъ. По взятіи Бендеръ вторая наша армія, подъ командою графа Панина, переправясь чрезъ Днѣстръ, устремилась вся на мѣсто сборное къ Полтавѣ. Мой паснынокъ, перебѣжая зимою чрезъ Днѣстръ, имѣвъ несчастіе обломиться на льду и съ кибиткою, по счастію жизнь свою спасъ и съ будущими при немъ людьми. Въ первый тогда разъ взмахнула сія стихія на его несчастіе и грозила ему потопленіемъ, дабы онъ на водѣ былъ осторожнѣе. Между тѣмъ ему досталось въ перемѣнѣ подпоручика и написанъ онъ въ Харьковъ, къ губернатору Щербинину, для обученія артиллерійскихъ служителей въ его полкахъ, почему и посланъ былъ уже ордеръ, дабы его возвратити отъ арміи въ Харьковъ; а между тѣмъ онъ съ арміею, 771 году въ Маѣ мѣсяцѣ, отправился къ Крыму. Получа о возвратѣ своемъ ордеръ, писалъ къ намъ, чтобы мы отпустили ему его непослушаніе, что онъ вѣдь намѣреніе охотою ѣхать въ Крымъ, и что въ своемъ походѣ никакой нужды не имѣетъ. Увы, въ какой человѣческая жизнь неизвѣстности находится, что не имѣетъ нмалѣйшаго предзанія о своемъ несчастномъ концѣ! Къ чему самозвольно мой паснынокъ предпріятъ быть при арміи, а не въ Харьковѣ? Дошелъ онъ съ арміею до Петершанца, оная крѣпость отстоитъ отъ Крыма только въ 90 верстахъ, построена на рѣкѣ называемой Московкѣ; армія, перешедъ рѣчку по сдѣланному мосту, стала противъ крѣпости въ подурверѣ лагерь. Оной крѣпости артиллерійскій офицеръ звалъ къ себѣ изъ лагеря маіора артиллерійскаго-въ Шаховскаго и другихъ офицеровъ обѣдать; а какъ паснынокъ мой стоялъ вмѣстѣ съ маіоромъ въ одной палаткѣ, то и онъ съ прочими при-

лашентъ быть туда же: они, собравшись съѣли на своихъ лошадей верхами и поѣхали въ крѣпость, черезъ рѣчку Московку, по сдѣланному мосту. За пасынкомъ моимъ слуга хотѣлъ также ѣхать въ крѣпость; но майоръ Шаховской сказалъ, что оное будетъ излишнее, потому что за нимъ будутъ двое вершниковъ, такъ есть кому у него принять лошадь. Они обѣдали (какъ послѣ уже мы обстоятельно слышали) съ великимъ веселіемъ, пасынокъ мой въ столѣ раздавалъ кушанье, игралъ потомъ въ удовольствие всѣмъ на скринкѣ; наконецъ, компанія, оная, видно, что небережно обошлась съ пуншемъ, сдѣлались всѣ пьяны, отчего по веселіи произошло у майора Шаховскаго съ комендантомъ оной крѣпости великій вздоръ, шумъ и драка. Комендантъ битый и пьяный, будучи въ жару, выбѣжалъ изъ покоя на дворъ, закрывалъ во весь голосъ, созывая своей команды солдатъ и приказывая всѣхъ брать подъ караулъ. Пасынокъ мой боялся, чтобъ онъ не былъ участникъ таковаго случившагося безпорядка, а можетъ быть и ему вложили въ молодую голову хмѣль (ему было только 17 лѣтъ), сѣлъ верхомъ на свою лошадь и поѣхалъ одинъ изъ крѣпости въ задніе ворота, къ которымъ изъ рѣчки Московки былъ разливъ проросшій весь травомъ и кустаремъ. Онъ выѣхалъ за крѣпость и не хотѣя ѣхать прежнею дорогою, по которой ѣхалъ съ товарищами на мостъ, поѣхалъ онимъ залювомъ и хотѣлъ переѣхать чрезъ рѣчку въ лагерь прямо. День тогда былъ самый лѣтній, то многіе солдаты купались по тому заливу и сидѣли на берегу: солдаты оные, какъ и часовой съ крѣпости кричали ему всѣ, чтобъ онъ не ѣздилъ черезъ рѣчку прямо, сказывая, что она глубока, а ѣхалъ бы по прежнему своему тракту на мостъ, но онъ никого на тотъ случай не послушалъ, сказавъ всѣмъ, кои ему воспрещали ѣхать, что онъ черезъ эту рѣчку переѣдетъ прямо въ лагерь. Онъ ѣхалъ тѣмъ залювомъ, который былъ не глубоокъ, у всѣхъ на виду не малое время, какъ доѣхалъ до глубокаго рѣки стремляни, а берега были во утѣсъ крутые, то лошади его, и съ нимъ погрузилась въ мигъ въ воду. Долгое время было не видать его, потомъ лошадь оказалась на верхъ воды, и онъ на ней еще сидѣлъ верхомъ, но какъ видно отъ одновременнаго бытія въ водѣ лишился резолюціи и, пришедъ въ робость, не отдавъ на волю лошади, которая бы

съ нимъ на берегъ выплыла безъ всякаго препятствія и спасла бы его жизнь отъ потопленія. Но онъ, вопреки сдѣлалъ, лошадь свою муштукомъ или шпорами понудилъ, отчего она стала вверхъ головою перпендикулярно, а задъ опусти въ воду по шее, передними ногами болтала воду: тогда онъ не могъ сдержаться на сѣдлѣ, свалился въ воду и погрузъ на дно. Нѣсколько времени держалъ онъ отъ узды поводъ, лошадь принуждена была кругомъ того мѣста, гдѣ онъ за поводъ держался и на немъ висѣлъ, плавать; а какъ онъ изъ рукъ поводъ выпустилъ, то лошадь его въ тотъ-же моментъ выплыла на берегъ; а онъ, не умѣя притомъ плавать, безъ всякаго сопротивленія опустился въ глубину рѣки на дно и утонулъ. При ономъ тогда несчастномъ и жалкомъ приключеніи неподалеку былъ перевозъ на лодкѣ, на которомъ изъ Малороссіи отставной солдатъ опредѣленъ или по своей волѣ былъ. Этотъ адскій слуга Хароновъ видѣлъ утопшаго гибель и страданіе, но не только несчастному подать помочь отъ потопленія, даже и мѣсто подлинно указать не хотѣлъ, на которомъ онъ утонулъ. Вотъ какія есть чуды въ родѣ человѣческомъ! Видно изъ одного корыстолюбія, что самъ убійствомъ звѣрскимъ сдѣлать былъ не въ состояніи, то радовался несчастному утопшему, думая, по отшествіи отъ того мѣста лагеря, вынуть и обрвать тѣмъ гибельнымъ недостаткомъ попользоваться одному. Люди узнали о его потопленіи, когда одинъ солдатъ принесъ его тѣло въ лагерь. Такое извѣстіе огорчило много его пріятелей, кои съ людьми кинулись на рѣку искать его, трудясь всю ночь, только не нашли; на другой день одинъ егерскій погонщикъ, коему даны деньги, вынулъ его изъ воды къ великому всѣхъ его знакомыхъ, а лаче командиромъ, которые его любили, сожалѣнію. Майоръ Шаховской съ офицерами почевали пьяные въ той крѣпости, поутру отъ генерала былъ ему только выговоръ, что онъ своимъ гуляньемъ потерялъ хорошаго офицера, за которымъ ему бы должно еще смотреть, какъ за молодымъ человѣкомъ.

Такъ мой и послѣдній пасынокъ, а несчастный плодъ Печавна, симъ случаемъ прекратилъ жизнь свою, котораго и похоронили въ той же крѣпости. И воображеніе того не могу, какъ мы могли толь жестокою намъ печаль перенести. Мы, услыша о семъ несчастіи, три раза принимались его

оплакивать всёю домою и три раза ложною отрадою угбшались, въ чайнй еще ему быть живому; наконецъ рѣшилось наше мученіе, и надежда исчезла тѣмъ, что прѣіхали бывшіе при немъ люди и привезли полное извѣстіе къ нашему сѣтованію. Мы, получая оная несчастная вѣсти слезы къ слезамъ и вопль къ воплю приумножали, не находя ни отъ кого и не принимая никакого утѣшенія. Жена моя, а его мать, пришла до великаго изнеможенія отъ оной печали; она, по многomu рыданію и плачѣ, приходила въ безпамятство и обморокъ, потомъ мало возвращалась въ чувство, представляла его утоншаго передъ глазами своими лежащаго, съ которымъ прощалась съ такимъ желаннымъ выраженіемъ, рыдая неутѣшно: «ну, теперь прости, мой батюшка, въ послѣдній разъ прости»; за тѣмъ она опять приходила въ безпамятство на нѣсколько часовъ, съ великими вздохами Два года оплакивала она и не осушала глазъ своихъ день и ночь, такъ что насиму спасла жизнь свою, которая въ великой опасности была; наконецъ, въ утѣху отъ оныхъ слезъ ничего мы не получили, жена моя здоровая много у себя убавила, а я у глазъ зрѣніе повредилъ.

Въ 761 году возвратились мы изъ Украинской деревни въ Москву, а по неходѣ того года скончалась Государыня Елисавета Петровна. По кончинѣ ея открылась любовь къ сей Монархинѣ и сожалѣніе: всякій домъ проливала по лишенію ея слезы, и тѣ плакали неутѣшно, кои ея не видали никогда: только была любима въ народѣ своемъ. По кончинѣ ея принялъ престолъ правленія Петръ Третій, но немного правилъ, скончался. Приняла по немъ престолъ Государыня Екатерина Алексѣевна и 762 году, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, прибывъ въ Москву, короновалась. Въ ономъ же году подать я въ Военную Коллегію челобитную, что при отставкѣ не былъ награжденъ чиномъ. Въ оной Коллегіи былъ тогда вице-президентъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ; я по моей челобитной былъ удовольствованъ, 765 Нояя 3 дня отъ Коллегіи получилъ чинъ артиллерійскаго майора.

Пріятели мои и бывшіе командиры, вѣдая обо мнѣ, что я со изишествомъ противъ прочихъ офицеровъ имѣлъ случай обращаться въ артиллерійской наукѣ и зналъ ее, просили отъ меня для своихъ дѣтей ученыхъ записокъ; а

другіе искали отъ меня и того формально, дабы я и самъ собою оказалъ дѣтямъ ихъ такую услугу, чтобы по временамъ свободнымъ, ѣздя къ нимъ, указывать мотъ, почитая меня какъ человѣка свободнаго. Но я свою волюность никому въ такуюю должность не рекомендовалъ, а нашель средства всёмъ имъ услужить: написалъ я *артиллерійскою значію* книжку, отдалъ ее напечатать, роздалъ всёмъ моимъ пріятелямъ и тѣмъ всёхъ ихъ удовольствовать за 250 р.¹ что я заплатилъ за печатаніе книжки, а самъ чрезъ то отбылъ отъ должности учительской.

По порядку, принятому авторомъ, ему слѣдовало рассказать судьбу меньшихъ своихъ братьевъ, Федора, Аванасія, Льва и Ивана, но, или они померли въ малолѣтніи, или конецъ рукописи утраченъ. Только о сестрѣ своей Прасковьѣ онъ написалъ совершенно на одной бѣлой страницѣ:

Прасковья, сестра моя, будучи въ Москвѣ въ нашемъ домѣ, выдана въ замужество за поручика Никиту Васильевича Коверина, который былъ при межеванѣ, потомъ при экономическихъ деревняхъ казначеемъ, наконецъ въ Таубовѣ при Казенной Палатѣ стрячимъ; прижилъ съ Прасковьею Васильевною сыновей, Николая, Павла ¹). Илью, дочь Александрю, и въ 788 году Февраля 20 скончался отъ припадка.

1) Павелъ Никитичъ Коверинъ впоследствии сдѣлался извѣстенъ, бывъ Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ при Павлѣ, Калужскимъ и Смоленскимъ губернаторомъ въ 1812 году.